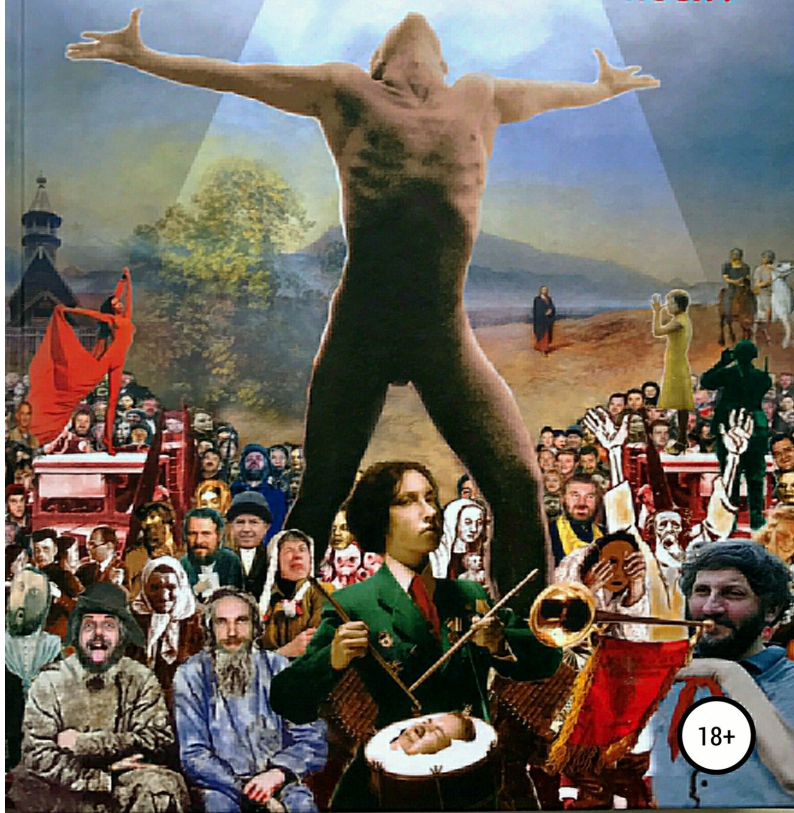

А. ШИМЛОВСКИЙ

СЕННААР

Книга 1

ИОСИФ

18+

Александр Иванович Шимловский

СЕННААР. Книга.1 Иосиф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30808201

SelfPub; 2018

Аннотация

Роман московского прозаика Александра Шимловского «СЕННААР» начинается первой книгой «ИОСИФ». Том первый повествует о нелёгких судьбах людей от начала до середины двадцатого столетия.

ПРОЛОГ

«Вино – глумливо, сикейра – буйна; и всякий, кто увлекается ими, неразумен...»

(Здрaсти!... Неразумен? Неразумен-то неразумен, да не всякий. Куда девать, например... Мусоргского с воистину пьянящей музыкой? А Грин? Да его, гонимые винными парами крымских погребов, «Алые паруса» – классика романтизма! Ах, Массандра, ах, каков её «Белый мускат красного камня», это же ода, элегия... А тут – «вино глумливо, сикейра буйна...» Сикейра?... что за сикейра? Не встречал, если бы надыбал, непременно попробовал, напробовался бы...

Так, опять я за своё, ну что за дела! С утра, как порядочный человек, уселся за Библию, в надежде испытать истины от священного текста,... в котором явная провокация. Осталось только вспомнить, что я пил,... а что хлестал. Кто это изрёк?... Не «про хлестал», про сикейру... Соломон! Вот кто меня с пути истинного сбивает, с раннего... половина двенадцатого..., тогда с начала дня гнусные намёки на глумливость бросает. Вино – глумливо, когда его не хватает... А его всегда не хватает. , всё-таки – глумливо. Ничего не скажешь, Соломон – вправду мудрый царь. Один я глупый, как страус. Сообразил вчера, не помню, с кем и где. Судя по листьям на полу, был в сквере напротив дома? Осень, уже листья желтеют.)

«Осенняя пора – очей очарованье...»

(Ах, Александр Сергеевич, как мы с тобой одиноки в этом чуждом, злом мире. Твои долги царь погасил, а мне даже на пиво не дают. Измельчал народишко, прости его, Господи, не ведает, что творит. Одно стяжательство на уме, да пакости, вроде секса. Общество потребления и разнужданности нравов, то ли раньше...)

«Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя...»

(Уж точно, точней некуда, милый Михал Юрьич, Царствие Вам Небесное, мы с Вами, как тучки небесные – вечные странники. Вас не любили, и меня никто не любит, все предали, все...)

Вот захочу – и буду читать Библию, как Нил – Столпник или как Святой Серафим Саровский, стоя на камне. Буду стойким как броня, я же тоже Броня, то есть Бронислав. То бишь, славлю броню.)

«Крепка броня, и танки наши быстры...»

(При чём тут танки! Кажется, до углубленного чтения Ветхого, равно как и Нового Заветов, я не созрел. Читать не

созрел... начну писать. Не Библию, конечно. Пожалуй, рассказы или повести... Нет, зачем размениваться, роман на тысячу листов, чтоб сразу в ... в книгу рекордов Гиннеса. Пусть все, кто меня предал, осознают, что они потеряли. Безвозвратно. Главное – литературный дар.

«Талант не пробухаешь!» – сказал кто-то из известных, значит, можно себе ни в чём не отказывать, в смысле, ни в чём, даже в малом. Ну, это понятно. А писать можно о чём угодно, что угодно, лишь бы от души и захватывающее, как... Ярослав Гашек. Такую белиберду нёс, и до сих пор сходит. Чем я хуже? Только не про храбрых солдат. Это не моя тема, я более глубокий, тонкий, хрупкий, ёмкий... Хрустальный фужер! «Хрустальный фужер» – красиво, но пошло, нужно другое заглавие. Впрочем, лучше взять рабочее название простое, а потом изменить на звучное. Суть не в заглавии, суть в душе, которую ты распахиваешь тысячам, ... миллионам читателей. Пусть узнают и поразятся. Буду целый год творить, безостановочно. Триста шестьдесят пять дней умножить на шесть листов. Неправильно. Шесть листов в день, умножить на триста шестьдесят пять дней... Много, не знаю точно сколько, но много. Пять листов в день, это же десять страниц. Нормально. Умножат легче, нолик прибавил, и, пожалуйста – три тысячи шестьсот пятьдесят страниц. Для начала хватит. В дальнейшем, когда заключу достойные договоры с издателями...или договора? Впрочем, не стоит со сковородкой но-

ситься, ибо «курочка в гнезде...»

Итак ... Пока без заглавия.)

«Родился я...»

(На хуторе Козюльки! Кого, кроме участкового, а у этого давно всё зафиксировано, интересует когда и где я родился?... Каждый автор, тем более крупный, изображает общество сквозь призму собственного я... Но не в форме же официальной автобиографии, это не отдел кадров завода «Компрессор». Зачеркнём. Художественное произведение должно начинаться хлёстко, чтоб по кумполу и наповал. Именно по кумполу. Про всякие счастливые и несчастливые семьи начинать не будем, и под поезда бросаться нечего... Вот они, муки творчества! Тяжело нам, писателям, но надо... Поехали! С красной строки...)

Штормило. Свинцовые воды Балтики, гадливо пенясь, выбрасывали на песчаные берега отрыжку ненасытных глубин. Вместе с обломками деревянных судов, ракушками и рыбными скелетами, отжившими и полуживыми водорослями, море отторгало въевшиеся в её печёнки янтарные камни. *(Здорово!)* На первый, да и последующие взгляды, полудрагоценное сырьё выглядело ой как неказисто. Только побывав в руках искусного мастера, невзрачные камушки обретали цвет и прозрачность хмельного пива...

(О чём это я? Что за янтарь с пивным привкусом? Я пишу отнюдь не рекламный проспект литовского пива с янтарным цветом, я работаю над, над?... романом. Однако подспудная логика мышления подсказывает, что ступаю верной дорогой, поскольку любимая бабушка Бронислава Казимировна, в девичестве Симонович, а может и Симонович-юс, родилась среди песчаных дюн Балтийского побережья, а её папаша держал в Вильно пивной ресторанчик. Если бы он имел такое заведение в Мюнхене, я, возможно, не осмелился взяться за перо. Впрочем, пути Господни неисповедимы. Продолжим.)

...подававшегося в пивной пана Казимира, что на окраине Вильно...

(Тут требуется небольшой экскурс в историю литовской земли, пересказанную мне бабушкой. Само собой – сплошные мифы.)

Бог, тот, который самый первый – Окопирмс, именуемый Дивеас, пребывал в нирване небытия, и Ему было хорошо, и не было никакого пространства, ни хода времени, ибо пространство и время суть бытия – эманация материи из идеи, которые и есть Окопирмс, именуемый Дивеас. Такова, бес-телесна, безвременна, безмятежна сущность Бога, да вдруг в бесконечном небытии шелохнулась беспокойная мысль!

Окопирмс насторожился, Он не любил никаких мыслей и их шевелений. Однако шевеление, продолжаясь, нарастало, от чего небытие хаотично заполнялось частицами, испускающими какофонию диких звуков. Обеспокоенный Дивеас изумился возникшему хаосу, нагло заполнявшим Его прекрасное небытие. Увы, небытие, славное своей бестелесностью и безвременьем, изменилось. В бесконечности образовалось «нечто», имеющее конечные размеры, но не имеющее формы. Беспокойная мысль, зародившаяся и бьющаяся внутри этого «нечто», только усиливала хаос. Изумлённый Окопирмс вытащил неугомонную мысль из хаоса. То был Он – Перкунас. Дивеас поразился сходству облика Перкунаса с образом, который Ему представлялся в сладкой тишине небытия как Свой собственный!... Прекрасно, но не гоже Окопирмсу пребывать в образе. Дивеас решил: «Да, пусть будет второй Бог, который вовсе не второй, но имеющий образ.» И это была Великая Мысль, приведшая к мудрому решению. Окопирмс-Дивеас, оставив хаос деятельному Перкунасу, опять растворился в Своем бесконечном небытии. Грозный Перкунас полетел, пытаясь познать суть предоставленного Ему во владение хаоса. Суть хаоса составлял хаос и ничего другого. Наконец, Богу надоело летать над хаосом, Он, желая упорядочить своё хозяйство, раскрутил хаос своей дланью, покрыл землёй, придавил горами, установил небо, налил воду. И стало хорошо Перкунасу. И, усевшись на горе, Он вынул из сохранившегося под землёй хаоса сво-

его помощника – кузнеца Телявеля и велел выковать солнце. Телявель отковал из золота жёлтое солнце, а из серебра сделал голубую луну. Искры, летящие от священного горна, укрепились на небесном своде. Так возникло бытие. И увидел Перкунас, что бытие не менее прекрасно, чем небытие, ибо оно тоже принадлежит Окопирмсу-Дивеасу-Перкунасу.

И текло созданное Богом конечное бытие мимо Его же бесконечного небытия, и это движение все ощущают как время. Много воды унесла река времени, а беспокойный Перкунас всё не унимается. Заметив, что луна изменяет Его любимому солнцу Ра с утренней звездой Ашур, Перкунас в гневе вытащил меч и разрубил луну надвое. Серебряная красавица превратилась в месяц. Теперь месяц снова становится луной, какой откован кузнецом Телявелем, только тогда, когда Перкунас отворачивается. А Бог это делает часто, ибо бытие, зачатое от мысли Окопирмса, подобно ей, беспокойно и разнообразно. Сестра Перкунаса Жемина, которой Он отдал во владение землю, приятная богиня, добрая и покладистая, чего не скажешь о брате Велнясе, живущим в хаосе под землёй. Не сказать, что Велняс совсем не помогает Перкунасу, нет, но он великий интриган и вносит немало раздора в стройность, созданного братом бытия. Взял да и подружил людей со священным огнём Габия, часть которого Велняс украл из горна кузнеца Телявеля. Зачем?... Уж как Перкунас за это был зол, неистово гремел и метал молнии на землю... даже Жемина испугалась. А Веллясу хоть бы

что, затаился под землёй рядом с первозданным хаосом, переждал гнев старшего брата Перкунаса – и опять за своё. Научил людей прятаться в пещерах. Теперь люди перестали падать ниц, они, по наущениям Велняса, почти не боятся Перкунаса. Пользуясь своим подземным положением и близостью хаоса, Велняс из душ людей, умерших неестественной смертью, сотворил димстипатис – злых духов, принимающих образы тварей – медведя, волка, змеи. Его подружка, ведьма Лаума, летает по ночам на ступе, пугает людей жуткими криками, наводит болезни. Бытие в противовес небытию – очень беспокойное хозяйство. И люди оказались не такими послушными, как хотелось бы. А ведь Перкунас о них беспокоится: сестра Жаворуне, живущая среди людей в образе суки, защищает их жилища от дикого зверья, Курке – добрые духи дома, сотворённые Перкунасом, отгоняют прочь злых духов димстипатис из стана Велняса, а хранительница судеб сестра Лайма награждает достойных людей замечательной фортуной... Что только не творит Перкунас, чтоб сделать людей счастливыми, но упрямые человечешки, этого не понимают, не хотят Ему одному повиноваться, Велняса слушают. А коварный Велняс не спит, у него среди людей имеется множество лигашёнов, предсказывающих беды и несчастья. Люди не очень им доверяют, но как только поверят в беду, она тут же вступает к ним на порог. Вот и борись с таким невежеством...

(Да, много было забот у Бога-громовержца Перкунаса, однако Он не унывал и даже пытался понравиться славянам, называвших Его Перуном. Увы, устаревший брэнд не смог выиграть конкуренцию с Сыном Божьим Иисусом... Но оставим в покое бредни балтских народов, вернёмся на грешную землю и откроем первую главу первой книги...)

книга первая
ИОСИФ

БРОНИСЛАВА

В кабачок пана Казимира Симановича (пан любил, когда его фамилию выговаривали на литовский лад – Симановичюс) повадился статный, хохлацких кровей, российский офицер пан Комарницкий. Вояка поправлял здоровье после известной газовой атаки, устроенной немцами не совсем удачно как для противника, так и для своих «soldaten». Ветру не прикажешь дуть только в сторону вражеских окопов. Нанюхались изрядно обе стороны. Немцы, пожалуй, больше русских, не смотря на заранее приготовленные противогазы. Россиян, как всегда, выручила смекалка и мочевые пузыри. Может быть, собственные экскременты не столь эффективны в фильтрации боевых отравляющих веществ как активированный уголь, но, при неуёмном желании сохранить жизнь, вполне пригодны. Господин Комарницкий выжил и,

находясь в Вильно на излечении, посещал пивной ресторанчик пана Казимижа. Что тянуло русского офицера в польский кабачок? Возможно, цвет и консистенция литовского пива, напоминавшие воину о счастливом избавлении уриной от подлых действий германца. Но, скорее всего причиной частых посещений кабака пана Казимира были округлые лодыжки паненки Брониславы, соблазнительно угадывавшиеся под подолом скромной коричневой юбки. Целомудренная католичка, по собственной инициативе и при молчаливом одобрении родителей, носила одежду почти монашеского покроя. Однако глаз ловеласа Комарницкого легко пробивал ветхую броню девичьих одежд. Что ни скажи, паненка была свежа, как ветка майской сирени, чиста, как струя родниковой воды, ядрёная, как первый глоток бочкового пива.

О дочери кабатчика грезилы сыны лавочников, отпрыски обедневших шляхетских родов и даже, невесть откуда занесенный в Вильно, англичанин. Безрезультатно. Романтично настроенная Бронислава, с завидным старанием, но без души, помогала отцу в часы наплыва посетителей, игнорируя восхищённые взгляды не очень молодых и не очень старых почитателей пива, бигуса, девичьей красоты. К категории «не очень молодых» должно отнести подтопанного годами и подтравленного газами Комарницкого. Шансов у офицера было много меньше, нежели у любого из тайных и явных претендентов. Но не зря он слыл потомком старинного казачьего рода. Его родословная по материнской линии вела к

легендарному атаману Серко...

Если верить Архиепископу Георгию Конискому, написавшему в замечательном труде «История руссов», Кошевой атаман Серко был: «в роде своём человек необыкновенный и единственный. Он с малочисленным войском своим всегда удачно воевал и был победителем, не заводя, однако, ни с кем несправедливой войны. Сражения у него почитались игрушкой, и ни одного из них он не потерял. Татары крымские и Белгородские, сии страшилища и бич всем народам, были у Серка пугливыми оленями и зайцами. Он несколько раз проходил насквозь их жилища и укрепления, несколько раз загонял всех Татар в Кефския горы, где и самые Ханы их не раз крылись в ущельях и кустарниках горских. Татары почитали Серка великим волшебником и обыкновенно титуловали его Русским шайтаном; но в спорных между собою делах всегда отдавались на его суд, говоря: «Як Серко скажет, так тому и быть.» При великих своих корыстях и добычах, не был он ни мало стяжателен и корыстолюбив, но всё то шло на других, и даже на его врагов. Одна Татарка того аула, из которого отогнан Запорожцами скот, представ перед Серка с малыми детьми, жаловалась ему, что у нея отнята выслуженная ею корова, которая у нея одна и была, и «чем же мне кормить детей?» Серко зараз воротил весь табун скотский того аула и приказал аулу, когда не станет у просителькиной коровы молока, то чтобы они всем обществом, детей ея от своих коров кормили, а на одеяние их дал материи несколь-

ко штурм, с приказом, чтобы они, возросши, не воевали с Русаками...»

Да славный был вояка кошевой атаман Серко предок Станислава по материнской линии, а прадеды, по отцовским кровям, успешно рубили головы панам конфедератам на возвышенностях и в долинах Подолии. Так что, завоевать сердце гонористой полячки являлось делом чести и продолжением славных побед правобережного казачества. Плевать, что Броня католичка, после замужества переведём в истинную православную веру, а пока можно и единоверцем представиться, Христос-то один.

Если путь к сердцу мужчины лежит через желудок, то к девичьему – через журчание нежных слов и поток подношений. Подарков, потаенных от всех и, прежде всего, от родителей девы, было много. Однажды в качестве презента он предложил ей полёт на воздушном шаре. Свободным парением на высоте птичьего полёта змей-искуситель затронул самые чувствительные струны девичьей души, и они, выводя пылкую мелодию любви, зазвенели сродни гуслиам-перегудам. Так в девичьем сердце зародилась Любовь – страсть наиболее ценная, платоническая. Ибо только в духовной привязанности выражается искренняя божественная приверженность, данная человеку Богом при сотворении. Но, как известно с незапамятных времён, человек слаб, глуп и греховен, а по сему, вкусив запретный плод, заметил прекрасное ощущение свободы духа плотскими утеха-

ми. Кстати, офицер Комарницкий один – два раза в неделю не гнушался походами в развеселые, от безысходно-тоскливой сущности, бардачные заведения. Паненке, разумеется, об этом не докладывалось. С банальной точки зрения обывателя, сей факт не больно красит офицера, но это только на взгляд филистера, да и то со стороны. Если честно, только честно, ... без передачи другим, присмотримся к себе изнутри, окажется, что смутные желания подобного рода витают и у нас. Впрочем, как и у каждого здорового представителя рода человеческого. В конце концов, не стоит осуждать тридцатипятилетнего мужика за то, что он, не желая грешить онанизмом, обратился к официальным жрицам религии плоти.

Тайное ухаживание продолжалось, а провидение внесло в католический, густо сдобренный языческими предрассудками, девичий романтизм существенные коррективы. Ночь на Ивана Купала, издревле почитавшаяся на берегах Балтики как праздник летнего переворота Лиго, открыла Брониславе странный и тревожный сон, предвосхищённый кошмарными видениями. Кошмары не запомнились, но сон...

«Маленькая Бронислава бежит босиком по утренней росе. Вокруг порхают бабочки, щебечут птички, с небес на землю смотрит богиня судьбы Лайма и, печально перебирая линии судеб, переплетает их в сложные узоры. Лёгкие как пёрышки облака плывут мимо воздушных шаров, поднявшихся в окрестностях Вильно, чтоб корректировать стрельбу тяжёлой артиллерии, которой командует мрачный Велняс. Он

очень злой и страшный, на голове германская каска со шпилем на макушке, одет в гусарский мундир с эполетами. Блестящие сапоги, с высокими голенищами, гремят шпорами. Страшно!.. Броня в ужасе побежала в дом и, закрывшись на засов, спряталась под кровать. Только не так легко убежать от чёрта в образе артиллериста, когда ему помогает ведьма Лаума, летающая кругами над крышей дома в ступе с громадной метлой в руках. Ужасно чадя керосином, Лаума приземлилась посреди двора, но из-под крыльца выскочила сука Жаворуне и отогнала ведьму в лес. А из леса вышел пан офицер Станислав, зашёл во двор, постучал в стекло. Броня выползла из своего убежища, открыла окошко. Вокруг опять порхали бабочки, пели птицы, далеко за лесами гремел гром – то святой пророк Илья едет по небесам на колеснице, запряжённой рогатыми козлищами. Пан Станислав, подав Брониславе в руки кукушку, бесследно исчез в темени леса... Куда же он? Постой!...»

От ужаса, что Стасик растворился, и она больше не увидит его, Бронислава проснулась, даже не заметив, улетела ли из её светёлки кукушка или осталась в доме. Долго лежала сердечная на непорочном ложе, размышляя, зачем Станислав подал ей печальную птицу?... Подал и подал, исчез и исчез, что же тут дивного или беспокойного, сон ведь? Ничего, но девица до утра не сомкнула глаз. Растревоженная видением, сходила к бабке-повитухе. Старая хрычовина, будучи из потомственных лигашёнов, помимо основного заня-

тия, промышляла на жизнь колдовством, гаданием и толкованием снов. Слывя отменным профессионалом, колдунья по внутренностям принесённой в дар чёрной курицы, не без труда определила предназначённое: «Выйдешь за русского замуж, и суждено тебе, дева, куковать всю жизнь».

На робкий вопрос: «А если не выйду?» Последовала длинная тирада на польско-литовском диалекте, смысл которой сводился к следующему:

«Куда ты, милая, денешься, коль небесами и духами земли так предназначено? Вестник богов Альгис сообщил мне, что Пизос – юноша, приводящий невесту к жениху, почувствовав твою любовь к русскому офицеру, соединил вас. Богиня Лайма, учитывая твои просьбы, повела линию судьбы в направлении доли русского, и не её заслуга, что рок, который ты выбрала, сродни участи кукушки. Лайма могла бы дать тебе другую фортуна, но ты так решила и теперь не увернешься».

Влажной июльской ночью, Бронислава, послушная дочь кабатчика, прыгнула в объятия избранной судьбы, явившейся под её окошко в образе царского офицера Станислава Комарницкого. Матка Брони Эльжбета, не лишённая авантюризма, сунула в руки дочери, тайно скопленные три золотых Николаевских червонца и, перекрестив любимое чадо, улеглась под бок опостылевшего мужа. А ведь когда-то и она сбегала с этим простолудином от шляхетского гонора нищих родителей. Давно это было... и очень глупо. Что за жизнь

теперь у зажиточной Эльжбеты, с кем она общается? С хитрыми лавочниками, толстыми мясниками да с их неотёсанными жёнами. «Пся крев!» То ли дело польская шляхта или дворяне, пусть даже дикие, русские!...

Издали, из-за рощи донёсся печальный голос одинокой серой птицы.

Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

(Что-то я раздухарился, пора закругляться с первой главой, иначе она превратится в отдельное произведение о бабушке или, как она любила, чтоб я её называл «бабця». Бабця – это детство, а детство – время счастья. «Детство – луч света,... в тёмном царстве жизни каждого» – такковы отзвуки школьного образования, осиленного при некоем участии русской бабушки Арктиды Афиногеновны Социндустриевой, уникаме века двадцатого. Впрочем, фактор уникальности, весьма спорен.)

АРКТИДА

Дочь богатых конезаводчиков из Южно-уральских степей, православная Евфимия Афиногеновна Туманова, по достижении совершеннолетия, возомнила из себя самой умной и справедливой. Коварно шарахнутая по голове идеями густобородого Маркса и взяв его веру, Евфимия вступила в партию коммунистов-большевиков. Решение, принятое девуш-

кой от всей души, как нельзя лучше совпадало с устремлениями передовой молодёжи революционной России. Тогда, в начале грозного двадцатого века, над землями маленькой Европы и над землёй большой Империи кружило каркающее воронье вселенской смуты, окрещенное Призраком коммунизма. Горбоносые птицы, во всю глотку верещавшие о свободе, равенстве, братстве, нагло внушали народу экономические выкладки некоего бородатого Карла. Впрочем, он сам себе внушил. Просто вбил в голову, что я, мол, пророк – теоретик научного коммунизма, экономист! Может быть и экономист, и теоретик, и пророк... только время покажет. Экономист, не гнушавшийся финансовой поддержкой истинного практика, капиталиста и личного друга Фридриха. Их маленький междусобойчик породил некую теорию – экономический бзик, взбудораживший народы одинокой, затерявшейся на окраинах вселенной, голубой планеты. Что не делает чёрт, пока Бог спит? Призрак коммунизма добрёл-таки на просторы Среднерусской равнины, внедрился в бесшабашные головы граждан великой империи. Русских же давно смущал взлелеянный в душе, но неподвластный экономике, свой бзик – Юрьев день. Уж очень хотелось подебоширить маненько и пойти под другого, лучшего барина. И стали они на всяческих демонстрациях-митингах распалять себя словами. Ну, а где сказано, там сделано. Евфимия, не иначе как от большого ума и слабого зрения, рассмотрела в народной смуте стремление к социальному равенству. Приняв

сторону бузотёров, девица возгордилась собственным решением и замыслила порвать с никчемным прошлым. Весьма распространённый, для молодых барышень, выбор. В юности, когда гормон зашкаливает за норму, не считать себя самым умным и справедливым просто невозможно, а коль так, то разум изводит жажда перемен и стремление к революционной деятельности. Если бы дело заканчивалось посещением тайных кружков, постановкой благотворительных спектаклей или организацией воскресной школы для талантливых, но обездоленных детей, если бы... Не стоит гадать, что могло бы быть, коль случилось другое. Коль её стезя – максимализм, коему глупо совершенствовать устаревший мир, а надо развалить и создать нечто новое...

«Весь мир насилья мы разрушим...»

Максималистов с обеих сторон оказалось достаточно, крушили долго, упорно, самозабвенно, и, наконец, все стали в равной степени нищими, голодными, бесправными, даже прихватившие золотые и бриллиантовые заначки, затаившиеся в благословенных европах.

«Революция, о которой мечтали...»

Радикальные взгляды устроительницы совдепии никак не сочетались с её патриархальной христианской вывеской. Евфимия решила перезвездиться (не перекрещиваться же) в непокорённую Арктику. Фамилия Туманова тоже не соответствовала духу времени. Пред изумлённым миром намечалось явление Арктики Троцковны Социндустриевой... Не

взошло. Свою липовую бочку дёгтя в стальную ложку мёда внесли бюрократы. Арктику записали Арктидой... Чёрт! Отдаёт плесенью Эллинской эпохи, но смириться можно. «Троцковну» вовсе не приняли, дескать, легендарный Предреввоенсовета в сотворении Евфимии не принимал никакого участия. Ну и что? На телеграфный запрос Арктиды: «лично товарищу Троцкому о даче согласия для присвоения ей почетного отчества», ответа ото Льва Давидовича не последовало. Странно, возможно, дэпэша затерялась в лабиринтах разрухи... Зато с фамилией не последовало никаких проблем. Поскольку наибольшее число граждан, желающих сменить вывеску, предлагали абсолютно невообразимые словосочетания, Социндустриева прошла в ЗАГСе на ура. Вновь испеченная «сестра во звезде» – Арктида Афиногеновна Социндустриева гордо вознеслась над проблемой устаревшей морали и допотопных имён. Более того, большевичка не стала обзаводиться законным, даже по социалистическим канонам, супругом, т.к. принципы истинного революционера никак не вяжутся с отжившим институтом брака и семьи. Мировая революция не за горами, слюняйство брачных уз отвлекает от Великой цели. По большому счёту она была права, но даже настоящим борцам за идею необходимо продолжение рода, а полагаться в столь ответственном деле на закисшие мещанские сословия не являлось правильным. Ребёнок, по утверждению Арктиды, зачат одним из ярких представителей партии большевиков, сгинувшим

в пустынях Туркестана. Она не могла выйти за него замуж, поскольку семья – пережиток прошлого, а две семьи даже партийцу из Средней Азии не полагались. Дабы не замарать биографию героического рубаки басмаческих голов, папино имя нигде не озвучивалось. Новорожденный принял замечательное, звучное, почти интернациональное имя Эрнст с естественным отчеством – Тельманович. Тут опять напортачили крючоктворы из ЗАГСа, записав дитя Эрастом Тихоновичем. Мамаша, занятая глобальными думами о мировой революции, заметила досадную ошибку спустя год. Первым её посылом было желание взять именной наган и перестрелять всю контрреволюционную сволочь, засевшую в стенах советского учреждения. Вторым – некое подспудное знамение из глубин социалистического правосознания, ведь не зря же они не допустили отчество «Троцковна». Мнимый герой Гражданской войны оказался ярым врагом страны Советов. Возможно, секретные материалы имеются и на немецкого коммуниста Тельмана?... В конечном итоге не важно, что записано, все давно знают, что её ребёнок – Эрнст Тельманович Социндустриев. Переписать метрическое свидетельство, не более чем заурядный акт делопроизводства. Настоящий революционер...ка, опускаться до столь унижительного акта не станет. Вновь романтика веры восторжествовала над унылой прозой бюрократического столопроизводства.

Сын Эрнст мыслился, как минимум, наркомом тяжёлой индустрии, на худой конец лёгкой,.. можно директором

крупной электростанции или металлургического комбината... А как же! Сбросив оковы эксплуатации, народ с небывалым в истории подъёмом и воодушевлением ринется на строительство гидроэлектростанций, доменных печей, самолётов, кораблей и дирижаблей. В самых густонаселённых районах придётся поднять в небо стратостаты с регулировщиками воздушного движения. Славные проходчики недр, в рекордные сроки пророят туннели под Уральскими горами, заодно вынимая на поверхность миллиарды тонн драгоценных камней, серебра, платины и золота, необходимых для создания сверкающих дворцов, нержавеющей стали, самолётов и просторных подводных лодок. Гениальные конструкторы изобретут электрические пилы, сенокосилки, молотилки, поилки, доилки, маслобойки. Всё будет работать без участия человека, который займётся повышением своего образовательного уровня, наукой, литературой, искусством...

Всё выше перечисленное ждёт в светлом будущем... а пока необходимо запастись керосином для примуса и осветительной лампы. У несознательных, обывателей коммуналки, керосин и даже спички в долг не выпросишь. Что поделаться, инерция бытия, рудименты прошлого. Не дадут, и не надо, Арктида не из тех, кто просит, она всегда отдаёт... Ей не жалко даже имущества, накопленного родом Тумановых на основе эксплуатации простых людей...

Праведный гнев работников, копившийся десятилетиями, вылился в поджоге конезавода и разгроме родового гнезда...

да Тумановых. Теперь там ничего, кроме руин. Лошади частью сгорели, большинство животных растащили по хуторам ненавистные мироеды – кулаки, остальные разбежались по степи, чтобы стать добычей волчьих стай. Мать, сошедшую с ума, земляки пристроили в божедомье, отец и брат сгинули неизвестно где, дедушку, пребывавшего в старческом маразме, пьяные конюхи усадили в двуколку и, плеснув мерину под хвост скипидара, бросили поводья. Дед, с блаженной улыбкой на лице, укатил за горизонт. На третий день местной революции баламуты протрезвились. Узнав о содеянном, некоторые сильно смутились: на кого ж теперь работать, где деньги зарабатывать? Более решительные, с расстройства угостили слишком памятливых и правдивых жен вожжами. Так в провинции закончилась революция, и началась Гражданская война.

Дикость и абсурд прошлого ещё витает в тёмных углах коммунальной квартиры, в которой ночует большевичка Социндуэстриева. Именно ночует, поскольку живёт, творит, горит на партийной работе, вызывая страх и должное уважение соседей, вчерашних батраков-пролетариев. Особливо уважаема Арктида женской частью коммунонаселения. Впрочем, с лёгкой руки обрубщика литейного цеха, мордвина Кашафова, звали её Офигеновна. Краткость – сестра таланта, обращение Офигеновна как нельзя лучше отражало сущность Арктиды Социндуэстриевой, офигевавшей от челюскинцев, папанинцев, стахановцев и прочих авангардистов социали-

стического строя. Она и сама бы ушла на передовые рубежи пятилеток, но сын Эри связывал по рукам и ногам. И всё же не впала истинная революционерка в болото быта, украшенное слониками, подушечками, занавесками, рюшечками. Мохнатое, сиволапое мещанство! Всё, что нужно в быту: печка, стол, диван кровать, шкаф и стулья, у них есть.

Ранней весной тысяча девятьсот тридцать первого года, под утро, ритмичный звон капли нарушил повелительный стук во входную дверь коммуналки. Предупредительный Кашафов мгновенно открыл зашарпанное произведение столярного искусства. В коридор решительно и буднично-деловито вошли трое в штатском, следом за ними неслышной тенью последовал управдом. Совслужащий злорадно ткнул корявым пальчиком в сторону комнаты жилички Социнду-стриевой. Бдительные органы НКВД приступили к рутинной операции.

– Предъявите санкцию на обыск, товарищи.

– Какой обыск, гражданка, никакого обыска, просто осмотр. Или вы настаиваете на санкции?

– Нет. Пожалуйста, осматривайте.

Арктида, с позволения старшего, закурила. Внезапно чекиста осенило. Старшой, как бы равнодушно проходя мимо подозреваемой, ловким движением выхватил из её губ папироску и с наслаждением растёр в ладонях... Увы, кроме табака – ничего, ни тайных шифров, ни явок, ни секретных посланий. Обыск, в смысле осмотр, продолжился... Разбудили

пионера Эрнста, перевернули и его постель. Нашли припрятанные от матери леденцы. Факт – не достойный юного ленинца, но на экономическую диверсию против страны советов не потянет. Пионэра оставили в квартире, большевичку увезли в чёрной закрытой машине.

(Сложно представить взрослого отца в образе запуганного мальчишки.)

ЭРНСТ

Сопливо-золотушное детство Эрнста было, ничем не лучше, нежели у его беспризорных сверстников. С одежкой и воспитанием дела обстояли немного веселей. В драных лохмотьях он не ходил, но постоянный ремонт ветхих портков изрядно надоел и ему, и его прогрессивной матери. Небрежная манера латания прорех компенсировалась поучением из почти живых, полуживых и недавно ушедших классиков:

«У человека всё должно быть прекрасно...»

«Жизнь дана человеку только один раз...»

Оба афоризма весьма приемлемы и хороши донельзя, но если ими монотонно долбить по неокрепшему темечку, вполне вероятен обратный эффект – человек вырастет неряшливым эгоистом... Не случилось. Защитный механизм в мозгу ребёнка включался за пару мгновений до начала изречения известных фраз... В лучшем случае, сознание

отражало их в несколько изменённом виде:

«У человека всё прекрасно: и мама, и комната, и еда, и одежда...»

«Жизнь дана человеку один раз, и проживать её нужно так, чтобы захотелось жить ещё и ещё раз, чтобы он не оглядывался, а говорил: «Ладно, не успели сегодня, продолжим завтра...»

Детство вещь замечательная! Особенно хорошо болеть... например, свинкой или корью. Окна занавешиваются одеялами, на табуретке, рядом с твоим горячим носом лежат всякие вкусности, которых тебе не хочется, но приятно осознавать, что имеешь возможность всё это съесть и выпить, не делаясь ни с кем, даже с мамой. А как здорово кобениться, хныкать, хлюпать носом, скидывать одеяло и не получать за это замечаний, нравоучений, подзатыльников. Наоборот, каждое кобенство в глазах у мамы является признаком страшной и неизлечимой болезни. Чтобы усилить эффект, закатываешь глаза и бредишь: слова путанные, речь прерывистая, дыхание частое, хриплое. На дом вызывается детский врач в круглых, с металлической оправой, очках, со слушательной трубкой в маленьком чемоданчике. Медработник плохо слышит, мало видит, но понимает, всё, что от него хотят. Снявши заношенную верхнюю одежду и сменив потёртую шляпу на белоснежный чепчик, фельдшер... Впрочем, специалист предпочитает, чтобы его звали «доктор». Доктор тщательно мылит руки земляничным мылом, ему подаётся,

вынутое из комода чистое, а чаще новое, полотенце. Королевским жестом полотенце вешается на ближайший гвоздь, стул, вешалку, и произносятся удивительные слова: «Ну тес-с, молодой человек, чем мы страдаем?» Старческая кисть приятно охватывает запястье, правая рука вынимает из жилетного кармана допотопный хронометр, начинается процедура отсчёта пульса. Пульс внушает опасение. Озабоченно покачав головой, доктор вставляет глубоко в рот блестящую ложку и просит сказать «А-а». Сакраментальный звук произнесён, доктору многое понятно. Окончательную ясность в суть болезни вносит показание ртутного градусника. Покачав для убедительности головой, доктор, резким движением, стряхивает градусник и вкладывает его в круглый пенал. Диагноз поставлен. «Не смертельно, но с болезнями такого рода шутить нельзя, могут последовать всевозможные осложнения». На нестандартной, плохого качества бумажке со штампом в верхней части, выписывается рецепт. Написанное походит на многое, с чем знаком читающий этот манускрипт, дилетант. Кому видятся египетские иероглифы, кто-то узнал пляшущих человечков из произведения о Шерлоке Холмсе (ИННЭСИ, ПРИХОДИ), некоторым кажется, что нарисован забор с воронами или заросли деревьев из райского сада. Тайнопись эскулапа способен расшифровать только его одноклассник – гриб-фармацевт из аптеки, открытой в промежуток времени между правлением царей Ивана Васильевича и Алексея Михайловича. Микстуры, порошки, натирания

и прочие примочки, очевидно, запасены знахарями времён старца Феодосия Печерского, а по сему горчат и отдают плесенью. При приёме медикаментов внутрь, тело пронизывает дрожь отвращения, желудок скукоживается в комок тугих мышц, переплетённых натянутыми волокнами нервов. Весь кишечник напрягается и с утробным кашлем вплёскивает тошнотворную массу на постельное бельё, следом текут слюны, сопли, слёзы, градом катится пот. Мама, стоически промолчав, наполняет микстурный стаканчик следующей порцией. Лечение продолжается...

В детстве всё замечательно, особенно ты сам,.. и твой двойник на небе – твой Ангел. Вы не так давно расстались, чтобы забыть друг друга. Он изредка напоминает о себе: иногда подбросит осколок солнца во двор, где ты гуляешь. Окажется, солнце сделано из прозрачного плексигласа и по окружности размечено густыми чёрточками с циферками. Вот здорово! Ты окликаешь его, и он долго смотрит на тебя, а ты на него. И вам обоим очень хорошо и приятно, так мило и приятно, что трудно передать. Иногда, чаще в пасмурную, дождливую погоду или когда идёт снег, вы общаетесь. Первый, густой, мягкий, мохнатый снег в предзимье, плавно ниспадая с небес, глушит все звуки мира. Сквозь пелену снегопада доносятся мысли твоего двойника, гуляющего там, на небе, в таком же дворе, как и здесь. Там всё также, как и на земле. Вы лепите снежные оладушки и подражаете звукам духового оркестра. У вас получается намного лучше, чем у

настоящего, вы не фальшивите, звук барабана не так грозен, литавры не лязгают, а уж кларнет выводит основную линию мелодии, любо-дорого послушать. Вы с небесным двойником дружите, пока не появляются земные друзья и подружки, а у него, соответственно, такие же небесные. Контакт прерывается до следующего наплыва одиночества.

Со временем тебя всё больше отвлекают земные дела и заботы, он обиженно смотрит, но молчит. К обоюдному сожалению, ваша астральная связь расстраивается. Вы потеряли взаимный интерес. Более того; вы, потихонечку, становитесь чужими, нетерпимыми, недоброжелателями, недругами, врагами. Однажды, он материализуется и станет предвестником крутого поворота в твоей жизни. Очевидно, ему не понравилась линия земной судьбы, избранная тобой для себя, но, как ни крути, касающаяся и его бытия. Небесный двойник вносит свои коррективы в твою жизнь. Сопротивляться сему возможно, но не стоит, так как он намного мудрее и пытается улучшить твою никчемную долю. Не веришь? Тогда вспомни моменты, когда он спас тебя от неминуемой смерти... Опять не помнишь. Ты завалился с забора в сугроб. Дело было под вечер, пустынно... Вспомнил. А когда ты тонул? Вспомнил, и хорошо. После земной отлучки вы с ним опять встретитесь и вновь станете одним целым, но это уже будет иная сущность...

(Ну, батенька, хороши же у тебя картинки детских лет!)

Да где же это видано, чтобы ребёнок, шести лет от роду, так рассуждал? Двойники, смерть... Впрочем, про смерть я не говорил, так... намекал. И ребёнок толком не знает, что есть смерть, но латинское выражение Memento mori сидит в голове у каждого. Человек, с утробы матери, невесть откуда, знает и помнит о смерти. В раннем детстве он её не боится, возможно, потому, что недавно оттуда, и знает, что ничего страшного в том нет, даже наоборот.)

ТЕРНИ

Лавр Георгиевич Корнилов, осатаневши от конституционной болтовни Александра Фёдоровича Керенского, бросился спасать Россию, путём наведения воинского порядка в северной столице. В начале дождливого сентября семнадцатого года Верховный главнокомандующий двинул войско на Петроград. Главной ударной силой определён 3-й конный корпус генерала Крымова, в котором верой и правдой служил царю и Отечеству Станислав Комарницкий – счастливый муж пани Брониславы, в недавнем девичестве, Симонovich. Юная полячка получила не ахти какое образование, но на языке с латинским алфавитом, и по сему вполне сносно справлялась с обязанностями сестры милосердия армейского полевого госпиталя. Свадебное путешествие, в сторону эпицентра революции, весьма интригующее начало для дальнейшей супружеской жизни. Собственно, пани Брони-

славу мало интересовали политические убеждения миллионов русских солдат и офицеров. У каждого своя правда, а её любовь, внезапно вспыхнувшая и горевшая ярким пламенем, одна. Стасик такой славный, красивый, храбрый, ... скорее бы ночь.

Ночи, наполненные кипящей яростью революционного духа, витающего в эфире смутного времени, были однообразны по смыслу и неповторимы по сути. Каждый вечер молодожёнов представлялся началом начал, и они, обретя друг друга, сливались в единое целое... Сознание пропадало, наступало блаженство – истинное состояние фанатично верующих людей, вера которых – любовь... Изнеможённые, чуть вздрагивающие от пережитой близости, супруги отдыхали среди полночной суеты войскового подразделения. Постепенно силы возвращались, и она, положив голову на его плечо, слушала непривычную и удивительно красивую русскую речь Стасика...

Так-таки русскую! Может быть и красивую, но русской её назвать никак нельзя. Мало там русского, больше малорусского...

Муж, терзаемый неопределённостью, огорчённо сетовал. «Уважаемый Лавр Георгиевич – благородный, боевой российский генерал, живая легенда, возомнил из себя политика... Связался, с кем связался!... С Конституционными демократами, с адвокатом Керенским! Уж лучше бы якшался с большевиками...» Супруга блаженно засыпала, ей снились

крылатые голуби, рогатые олени, злобные демократы и тучные большевики...

Что было бы предпочтительней для Корнилова, империи и её граждан, определить невозможно. Придётся исходить из посыла «Что Бог ни сделает – всё к лучшему». Коль уж случились, так должно быть, это и есть самое наилучшее. А как ещё мыслить, если вспомнить начало прошлого века, царизм, зарождение капитализма. Кому на беду, кому на счастье, России достался случайный император. Царь-миротворец Александр, который третий, любивший бухнуть с истопником, родил сына Николая, второго. Третий – второго, второй попытался скинуть власть на первого своего сына, совсем больного мальчика, но передумал. Увы, обратный отсчёт царственного рода Романовых пошёл и стал неотвратимым. Падение монархии завершилось громким выстрелом с крейсера «Аврора». Николая, страстный любитель колки дров, без всякой надобности, токмо по собственной внушаемости получивши приставку «кровавый», (а ему больше подошло бы «подкаблучный»), наломал немало дров в российской истории. Рубил, колол, страдал, наконец устал. Отрёкся от престола, как справедливо замечено выше, в пользу... непонятно чего и кого, то есть в свою пользу. Во, как! С виду не очень, а умный... Дурной пример заразителен – россияне тоже захотели быть умными, и пошло-поехало. Плебеи возомнили себя патрициями, патриции, нацепив красные банты, ринулись в объятья плебса. Тут то наступил мо-

мент прозрения, – оказывается, народ по прежнему вонюч, ленив и алчен до чужого. «Ату их, загнать скот в стойло!» – возопили дворяне-пастыри, но было поздно. Прозрение постигло и низы: «Оказывается, богатые-то – подлецы, нас простых, за людей не считают!» Быдло, сломав ветхие ограды, стремительно опустошало барские нивы, наставив на ревнителей прежнего порядка рога стальных штыков. Потеряв империю, император, возомнивши из себя блаженного странника, страдающего за державу, собрал узелки с брильянтами и запыхнул по кривым рельсам расейских дорог. Нет бы, один странствовал, так ведь император, а царю ума не занимать, семью потащил... Большевики, конечно, не агнцы, иначе, скитаться по городам и весям отвергшей тебя Отчизны занятие не из шибко умственных. А уж, коль есть столь безудержное желание изобразить из себя непонятого народом царя-батюшку, мыкайся один, предварительно устроив домочадцев у европейской родни. Перст ли судьбы или талант к глупости привели экс-императора на Урал. На беду несчастных, в Екатеринбурге у яркого революционера Яши (вот уж кому под стать кликуха «кровавый») имелись свои верные люди. Яшины ручонки давно зудели по скипетру и державе, а тут такой шанс – расправиться с беспомощным, но всё-таки конкурентом... «Потом попытаемся своих подмять...» решил Яша и загубил, мерзавец царя-батюшку... Да и Бог с им, с царём-то, и бабой евонной, им по должности положено в особых случаях жизни лишаться, деток ихних

жалко, и доктора с прислугой, хорошие люди были, верные. А в белокаменной, первопрестольной Яшка побежал на доклад к «Старику», на ходу размышляя, кого первым из своих мочить... Со своими не вошло... Заболел Яков Михайлович и помер, а мо... отравили. Кто поймёт этих пауков в банке?

Однако? вернёмся в расположение третьего конного корпуса генерала Крымова. Ужаснувшись подлости кадетов и стремясь сохранить честь русского воина, генерал, бросив на произвол судьбы веривших в него людей, мужественно застрелился. Какая, к чертям собачьим, подлость, и о спасении какой чести может идти речь, когда ты так поступаешь? По неволе зародится сомнение, а за тем ли я шёл, и, быть может, большевики действительно правы?... Осиротевшее воинское подразделение разбрелось как стадо блудливых коз, вооружённых отнюдь не рогами и копытами. Судя по туманным высказываниям бабушки Брониславы, молодожёны принимали участие во многих столичных событиях осени семнадцатого года, вот только на чьей стороне? Впрочем, какая разница? В хаосе событий диаметрально противоположность взглядов за истекшие сутки сменялась несколько раз. Двадцать пятого октября в Зимнем дворце убитых и раненных Броня не видела, Керенского тем более. Действо, впоследствии гордо названное Великой Октябрьской социалистической революцией, не произвело на её участников столь грандиозного впечатления. Грязные, дурно пахнущие

казармами, солдаты и матросы, прибежав невесть откуда, для острастки постреляли, затем всю ночь напролёт ошеломлённо бродили под золочеными сводами дворца. Всё. Станислав, спрятав офицерские погоны в голенище, закинул карабин за спину и вместе с супругой отправился с толпой революционеров на осмотр помещений.

Той известной ночью Бронислава впервые почувствовала слабый толчок в животе. Дала о себе знать зародившаяся в её чреве новая душа. На рассвете из темени угловой комнаты сверкнул огонь, и прозвучал выстрел. Пуля, просвистев между головами супругов, впиалась в серую стену за ними. Выхватив из кармана наган, Стасик несколько раз пальнул в ответ. Тишина. Знаками приказал супруге спрятаться за мраморную чашу, которую они пытались рассмотреть. Комарницкий скрылся в темноте. Вскоре офицер притащил за шиворот прыщавого юнкера. Юноша весь в слезах и соплях, упираясь, как гимназист, не желающий быть выставленным из класса, монотонно канючил:

- Дяденька, миленький, отпустите, я не хотел. Дяденька...
- Ты зачем стрелял?
- Я больше не буду.
- Зачем стрелял, спрашиваю?
- Так я же это... сторожу.
- Кого сторожишь.
- Флаг сторожу.
- Юнкерский?

– Российский.

– Один?

– Флаг?

– На часах, спрашиваю, один стоишь?

– Не знаю. Петька, когда началась стрельба, пошёл разведать и не вернулся. Можно мне в уборную?

– погоди. – Комарницкий сорвал с юнкера погоны, кокарду. Сняв с себя, нацепил на грудь несмышлениша красный бант. – Ступай домой, к маме... сторож.

– А как же флаг?...

– Как старший по званию, – Комарницкий вынул из голенища и показал юнкеру свои офицерские погоны, – снимаю тебя с поста номер один. Приказываю покинуть помещение! Ясно?

– Так точно, господин...

– Товарищ, теперь все товарищи. Давай иди. Если кого встретишь, пой Варшавянку.

– Я слов не знаю.

– Тогда ори: «Да здравствует революция!»

Осчастливленный юнкер ушёл. Комарницкий снял государственный флаг с древка, засунул в вещмешок. Пригодится.

К Рождеству в Питере стало холодно, голодно и опасно. Пьяная солдатня под предводительством просвещённой матросни, аналогичной степени трезвости, творила справедливость, в странном понимании этого слова. Стрельба

не утихала ни днём, ни ночью. Стасик как мог оберегал беременную супругу, но голод не тётка, а холод не мать родная. О возвращении в Вильно не могло быть и речи. Обзавелись цивильной одеждой, фальшивыми документами, небольшим запасом золотых вещичек. Комарницкий по протекции недавнего сослуживца записался в красный ревоотряд, занимавшийся экспроприацией экспроприированного. В жуткие крещенские морозы обвенчались в церкви и двинули на юг.

Унылый край, тоскливая Подолия – холмы, равнины, жирный, чавкающий под ногами чернозём. Кривобокие, выбеленные известью мазанки насуплено смотрят из-под соломенных крыш на возвышенности и долины соседней Бессарабии. Ни ёлки, ни сосёнки, ни милой Брониному сердцу берёзки. С правой стороны реки долетают скучные звуки ботал – бессарабский мальчик гонит овец на выпас. Тут, суждено, ей жизнь коротать, тут и детей рожать. Смотрит пани Бронислава на новую родину, а из глаз в два ручья солёные слёзы текут. Одна отрада в жизни – Станислав, да ещё ребёночек, неистово сучащий ножками по натянутому барабану живота. Успокоилась, высушила слёзы, не так уж плохо здесь, если подумать. Родня мужа встретила приветливо, хоромы у них не бог весть какие, но им выделили просторную комнату с окном на виноградники. По утрам после лёгкого ночного заморозка, земля, причудливо искривляя действительность, парит невидимыми глазу струйками. Хозяйственный

болгарин Стоянов вывел батраков открывать прикопанную на зиму лозу. Его сосед, Борух Сэрбэр, опасаясь апрельских заморозков, выжидает. Холостяки, братья Божемские, свой виноград на зиму не укрывают. Они, не мудрствуя лукаво, засадили склон молдавским сортом – Корница, не боящимся местных морозов и не знают с ним горя. Вино, как отстоится, бочками сдают в харчевню хохлу Шинкарю или в лавку жида Гуральника. Так и живут: неспешно, убого, экономно. Ни революции до них не доходят, ни войны, ни голод, ни холод. Центральная улица местечка, пронзившая селение с востока на запад, на въездах проходит сквозь заросли лебеды, вытянувшейся выше человеческого роста, ближе к центру – невысокой крапивой, а уж в самом центре низким ковром подорожника, загаженного зелёными червячками гусиного помёта. Брусчатка, выложенная в центре по указанию Григория Потёмкина, ещё при матушке Екатерине, с тех самых пор не ремонтировалась. Улица повсеместно покрыта кучками застаревшего, расклеываемого птичками, конского навоза. Темнеет рано и быстро. Про электричество в местечке знают несколько человек, но объяснить, что это за чудо такое, никто из них не пытается, поскольку сие никого не интересует. Не волнует местечковых и то, что творится в столице империи. Какое им дело до столицы? Царь им королю не доил, Керенский свиней не кормил, и Ленин не станет за них поля пахать, а коли так, зачем ими интересоваться? Земля у каждого своя, от дедов, прадедов досталась. Стало

быть, проживут... лишь бы кто окаянного Лозана пристрелил, «всем бы обществом расплатились».

Колька Лозан, – местечковый бандит, вооружённый маузером, болтавшимся сбоку на длинном ремне, в деревянной кобуре. Однажды он зашёл к Стасику, выпили, поговорили. Слово за слово, разгорелась ссора, раздался выстрел...

Тело уркагана, с камнем на ногах, Стасик кинул в воду посредине реки. Вроде, никто не видел. На следующий день явился брат Николая Борис, интересовался, приходили ли Мыкола к ним вчера. «Якый Мыкола? Та мы його з місяць нэ бачылы». Ушёл Борька Лозан с большими сомнениями в башке и злобой на рябой роже.

Вскоре Бронислава родила сына, назвали Васильком. Семейство Комарницких облегчённо вздохнуло, наконец-то забрезжило, продолжится их род и фамилия, в чём совсем недавно существовали большие сомнения. Старший брат Станислава Степан, родившись болезненным, вырос коварным, желчным и завистливым. Особенно Стёпа ненавидел цыган. Цыган в местечке мало кто жаловал, но ненавидеть – это уж слишком. По-видимому, у Степана был некий порок, не позволяющий обзавестись женой, и виной тому он считал цыганское племя, в частности Сару, сестру кузнеца Ивана Кафтанатия. Сара, как и всё цыганье женского рода, обличьем своим народ местечковый не восхищала, но была в её глазах бесовски притягательная сила, очаровавшая завистливого Степана. Пообещав болезному небо в диа-

мантах-яхонтах, выманила у жадного влюблённого изрядную сумму денег и ушла с табором мадьярских ромал за холмы Бессарабии. Цыгане, что с ними связываться. Однако с тех самых пор возненавидел Степка вольное племя, а заодно и женскую половину человечества. Такова фортуна убогого.

Революция, плавно перейдя в Гражданскую войну, со временем докатилась даже в забытое Богом захолустное местечко. Каково бы ни была глухомань, а человеческая натура, густо замешанная на крови завистливого Каина, всюду одинакова. Пошёл брат на брата с топорами, вилами. Конфронтация, сказываясь даже в дружных доселе семьях, разделила общество на непримиримые группировки, враждующие по самому ничтожному поводу. Степан незамедлительно поверил в Симона Петлюру, присовокупив к цыганоненавистничеству антисемитизм. Линия логики сего умонастроения была четка и исчерпывающа. «Обманула меня Сарка, а любимое еврейское имя – Сара, значит все они такие... В газетах, ещё при царе писали, что жида христианских младенцев жрут. И за это мы должны их любить?... Нет, Станислав, ты меня не убедишь, всех пришлых надо изгнать с нашей земли. И поляков тоже. Чем лучше кичливые поляки, осевшие на исконно украинских землях? Чем?... Опять же молдаване? Народ туповатый, и хотя на чужие земли не зарятся, но тоже не того... не наши люди. Про кацапов и говорить не стоит, далеко они, а о тех которые в старообрядческой деревне живут, ничего доброго сказать нельзя: длиннобородые, за-

мкнутые, нелюдимые. Вот германцы... те, конечно, сила... и англичане тоже люди, но далеко живут, далеко. Пожалуй, народов, достойных внимания, больше нет, разве что турки, но турок, как известно, не козак... Революцию, чтоб заму-тить воду и прибрать чужое к своим рукам, жида придума-ли. Только украинськи козаки не таки дурни, как с виду, мы всем покажем, где раки зимуют. Наш батько, Симон Петлю-ра...»

Степан читал свои проповеди каждый вечер. Станислав, познававший мир сквозь прорези прицелов и кривую призму революции, брата не поддерживал, но и спорить не спорил. Горестно слушая, он искренне удивлялся столь явному пере-рождению представителя благородного рода кошевого ата-мана Серка. «Россию захлестнула эпидемия зависти, народ сошёл с ума».

Отряд петлюровцев в двести сабель занял благодатное ме-стечко, отбив его у краснопузых. Затем, так же внезапно, как и явился, исчез, оставив на память о себе двух повешенных активистов, разоренные еврейские лавки, эпидемию сыпно-го тифа, посетившую и семью Комарницких. Станислав, под-травленный немецкими газами, оказался самым нестойким к популярной революционной болезни. Отпевали офицера в церкви святого Николая угодника.

В садах неистово куковали кукушки.

Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

(Пора закругляться с этой главой, я же не историк, я беллетрист... (замечательное слово, лучше чем писатель) и завязывающий ал... пьяница.

Мне кажется, что людей создал Бог, но если эти заумные твари возникли путём эволюции, то никак не от обезьян, скорее от кротов. Оглянитесь на видимую часть истории человечества... Роют, роют, роют! Троглодиты какие -то... Я сам однажды зарыл бутылку, до сих пор найти не могу... Может под грушей?... Ладно.)

ВОЙТЕХ

В том же местечке, на крутом берегу речушки с ласковыми, мутными водами, жили, уже упомянутые, два брата польских кровей – пан Ян и пан Войтех. Паны справные, при «пенёнках», но, не смотря на принадлежность к кичливой нации ляхов, сокровища напоказ не выставляли. Винарня, сложенная из песчаника непосредственно на винограднике, сооружена ещё их отцом Иосифом, что на польском звучит как Юзеф. Подвалы под ней братья углубили и расширили собственными руками, к тому же нарыли потайной лаз в колодец, оборудовали пещеру... Зачем?.. Да так, на всякий случай.

Кроме винарни, братья Божемские владели сушарней, где сушились вишни, сливы, груши, яблоки и прочая садоводческая продукция, да ещё свинарней, вонючей донельзя. На

кой ляд двум бобылям сии заботы, есть великая непостижимая тайна загадочной польской души. Горбатились сами, понукали переборчиво нанятых батраков, преображали кинетическую энергию труда в потенциальную силу золотых червонцев, аккумулируя их в пузатую кубышку – «скрыню». Скрыню постоянно перепрятывали, изоцряясь в сооружении замысловатых потаённых мест. В ходе очередной прибавки непременно производили аудиторскую проверку состояния золотого запаса, пересыпая червонцы в ведро и обратно. В этом, вероятно, заключался смысл их жизни. Ибо за суетой накопления и перепрятывания наличности паны забыли о продолжении рода, откладывая сие на более поздние времена. Даже католическая истовость не коснулась меркантильно настроенных братьев. Нет, «кшыж» на стене у изголовья кровати висел, в костёл на мессу они ходили каждое воскресенье, что да, то да. Терпеливо слушали проповедь, крестились, «ручкаясь» прощали общине грехи, как и та, прощала им, бросали медяки на «тацу» – медный поднос, носимый служкой между рядов удобных скамеек...

Вообще-то, местечковый люд был довольно религиозен. Каждая конфессия имела свой храм и искренне убеждена, что их-то вера лучше всех. Наш Бог своих в обиде не оставит, а что касательно других, то пусть надеются, дурачье.

Православные христиане, соорудивши свои церкви на холмах, гордились занятыми высотами, синими луковицами куполов, а также суровостью обрядов, волосатостью и громом-

гласием попов. Церквей было две; одна, построенная после воцарения российской короны над землями местечка, на подворье которой установлен обелиск с крестом в честь отмены крепостного права, и более древняя – трехъярусная украинская церковь.

На фронте притвора церкви изображён, хранящий храм от пожаров, святой Микола. Покровитель моряков и плотников, нарисован масляными красками в полный рост, справа от святого изображена маленькая церквушка, слева – лихо мчащийся по волнам житейского моря аллегорический корабль спасения. Бурные волны затихают у ног святого Миколая. Церковь изумляет поразительным вкусом мастера, изваявшего храм. Соразмерное соотношение объёмов, их взаимная подчинённость и гармоничность восприятия вызывают чувство восхищения верующих, их причастность к высокому, неземному. Лёгкий, законченный силуэт украшают изящные главки с коваными крестами. Из приоткрытых дверей доносится низкий рокот голоса батюшки и заунывная тягучесть добровольных певчих.

Католики устроили свой храм на уютной площади недалеко от земства. Костёл отличается как удобством расположения, так и внутренним обустройством. Окружённое каменной, с коваными ажурными решётками, оградой, здание стоит на выровненном участке земли, обсажено вековыми липами и дубами – ровесниками костёла. Главный фасад, обрамлённый спаренными пилястрами тосканского ордера с

отголосками рококо, смотрит на запад. Плоскость боковых стен, украшенная конструктивистским декором, разделена на прямоугольники ритмом спаренных лопаток и линиями подоконников. Крещальня, да и ризница украшены аналогично, но более мелким и более изящным декором. По каменным дорожкам двора, вечно торопясь, скорбно поджав губки, снуют ксендзы. Ханжеские лица святых отцов излучают ласку, кротость и неземное богопослушание.

Иудеи же, как Богом избранный народ, а по сему находясь с Всевышним на более короткой ноге, не особо витийствовали над архитектурой, убранством и местоположением храма относительно уровня мирового океана. Синагога представляла из себя приспособленное к обороне прямоугольное здание с толстыми стенами и живописным аттиком. Композиция, напоминая мавританскую архитектуру, в плане – близкая к центрической, с амвоном-бимой посередине. Бима, окружённая четырьмя опорными столбами, подпирющими своды, являлась важной конструктивной частью сооружения, так как столбы обеспечивали десятипольную систему покрытия. Девяти внутренним объёмам принадлежат крупные окна, по три на фасаде. Синагога служила центром религиозной и общественной жизни. За её стенами иудеи прятались, оборонялись, молились, проповедовали, проводили судебные заседания, диспуты. Чтоб изучать Божественное писание, в пристройке к храму располагалась школа-хедер. Здесь в душной тесноте за изучением талмуда и торы

просиживали весь день еврейские мальчишки. Каждый читал своё, а все разом вслух. В хедере стоял невообразимый шум и гам, казалось, человечество вернулось к моменту до сотворения мира. За кафедрой восседал учитель-меламед, изредка, сонным голосом прерывая вселенский гвалт, понукал нерадивых учеников. Представители христианских конфессий, желая обличить евреев в их любви к галдежу и внутренней противоречивости, а заодно подчеркнуть свою любовь к спокойствию и порядку, придумали поговорку: «Шум, гам, как в хедере».

Малочисленных представителей всевозможных сект упоминать не имеет смысла, поскольку в умах и сердцах основной массы верующих они воспринимались как язычники, презренные и недостойные.

Братской любви между главными религиозными группами не наблюдалось, но, слава Богу, веротерпимость была. И не потому, что местечковые догадывались о единстве Бога, скорее потому, что активные взаимные противодействия не приносили ни одной конфессии ничего, кроме вреда.

Православные, как самая многочисленная община, справедливо полагали следующее: если никто не помнит, когда они сюда пришли, то обитают с незапамятных времён. Логично. А коль так, то это их исконные земли, которые они обрабатывали, обрабатывают и будут обрабатывать всегда. К тому же в здешнем храме, венчался то ли сын Богдана Хмельницкого, то ли внук Тараса Бульбы, отдавший свою

жизнь за процветание православного люда. В доказательство правдивости своих доводов показывали обгорелый дубовый пень, на котором их Героя благополучно сожгли ляхи, подзуживаемые иудеями. Слава Героям! И всё же, поскольку православные люди – люди добрые, покладистые, то они не возражают против проживания на их землях инородцев и иноверцев, но пусть те помнят, где находятся и кому обязаны.

Католики, как образованная европейская община, сплошь культурная и очень, ну очень образованная, утверждали, что изначально земли по-над Тирасом принадлежали жившим «от можа до можа» сарматам, а сарматы, как известно, истинные предки польской шляхты. Вывод – кому должны принадлежать земли, напрашивается сам собой. Что касается схизматиков, то им следует пересмотреть свои взгляды на веру, и пусть себе живут на этих землях, принадлежавших предкам правителей гордых Полян. Касаемо упрямых иудеев, ясно одно, от своей веры они не откажутся. Жида должны помогать католикам склонить православных к истинной католической вере, и тогда пусть себе живут.

Иудеи, как им известно, из священной Торы, народ избранный. Посему, для детей Авраамовых, всякая земля, куда бы их Бог, их не водил – Обетованная, и, с момента прибытия в сии края, должна принадлежать им. Население же, существовавшее здесь до того, ну, как всякие Аммореи, Хананеи, в лучшем случае, могут продолжать жить... пока.

Логично. Очень логично во всех трёх случаях, как логич-

но и то, что любые земли принадлежат... сильнейшему, в данном случае Российской империи.

Однако царская империя рухнула, следом, как в глубокий омут, кануло временное правительство, далее, по принципу домино, стало валиться всё. Но местечковыми жителями эти события отождествлялись с долгожданной волей, с началом освобождения от гнета... всех от всех. Да, нас давили: и царь, и паны, и русские, и евреи, и украинцы... Теперь заживём свободно, по справедливости.

Справедливость – это, когда у всех поровну... а у меня чуть больше, поскольку я умнее. Ум-то есть, а средств мало...

Учуяв смрад погромных настроений, некие богатые, но неразумные, собрав в котомки свои ценности и, не иначе как по собственной глупости, отбыли в неизвестном направлении.

Умные принялись делить по-справедливости...

Войтех Божемский, младший брат Яна, искренне полагал, что уж он то, точно умнее всех. Нет, ничего делить молодой пан не собирался, напротив, Войтех замыслил прикупить, за бесценок, родовое гнездо панов Вишневских. «Почему бы и нет, пенёны у нас есть...» Янек, как старший и умудрённый, задумался...

«Конечно, маенток стоит тех грошей, файный маенток, пся крев! Правда, в хоробах доживает отпущенный Богом земной век старый шляхтич пан Сигизмунд, но ему недол-

го осталось... Войтех, через краковскую родню местечкового жида Волоха, договорился со спесивым сыном пана Сигизмунда выкупить дворец за пол ведра «царских золотых». Жалко пенёны, но и с дурковатым братом спорить трудно, вбил себе в голову, глаза горят... Что поделаешь, молодой, горячий... ещё и сорока лет не прожил. Весь в ойтеца покойного, тот таким же сумасбродным был, чистый бандюга с откушенным в драке ухом, царство небесное. Много золотых монет от него досталась».

Янек характером в матку, сам спокойный, рассудительный, даже по молодости, когда кровь в жилах бурлит, и хочется сотворить нечто такое! Не творил. Работал, копил, мечтал, опять копил, для будущей свадьбы, для семьи. Незаметно прошли годы, не молодой уже и не старый ещё, но с женитьбой одни проблемы, молодую брать страшно, старая не годится. «Э, пся крев, пускай Войтех женится, он девок любит. Ни одну вдову мимо не пропустит, вечно чуб в перьях от чужих подушек. У нас и подушек то нет, спим попростому, соломенный тюфяк под бок, шапка под голову да кожух поверху. Оно, конечно, не плохо кобету в доме иметь, так этот гонористый только шляхетного роду возжелал. Станет тебе шляхетная жена подштанники стирать, ей служанок подавай, а прислугу кормить, одевать надо... Предлагал ему Анелю Багновску... Добжа, ох добжа кобета... Отказался! «Купим маенток, поеду в Краков, шляхетского роду найду». Как же купишь, когда пан Сигизмунд жив?»

Пан Сигизмунд, достойный потомок воинственных сарматов, содержал маенток в полной боевой готовности, как никак, места беспокойные, кругом холопы живут, схизматики... Своё быдло, хотя и католической веры, но не лучше. Затаились проклятые, выжидают случая, когда возможность пустить шляхетную кровь представится. Дряхлый сармат курил люльку, крутил седой ус и, дожидаясь из Кракова непутёвого сына, готовился к круговой обороне. На белый свет извлечено огнестрельное и холодное оружие, всё ржавое. Выглядел грозный арсенал достаточно занятно, как в оперетте. Правда, старику так не казалось. Челядь неумело чистила оружие золой, смазывала конопляным маслом и приносила слухи из окрестных сёл – пока тихо. Вишневский разумел, что затишье бывает перед бурей, свержение царя и столичные перевороты, не те события, которые ведут к спокойным временам. В молодости пан Сигизмунд помышлял об основании своей независимой Вишнепольской державы, но на восьмом десятке не те силы, чтоб королевства создавать. Потому и ждал ясновельможный подмоги от сына Збышека из Кракова...

Збышек всё не объявлялся.

Конюх Михась Барнавега нашептал, что в Филициановке объявился солдат-революционер и будоражит земляков, подбивая их к бунту. Холопы внимательно слушали, неопределённо ухмылялись, но молчали. Виданное ли дело, грабить безнаказанно. Оказалось, можно. Солдат самолично, в от-

крытую поджѣг панские кошары за селом. Возмездия не последовало. Злыдни осмелели и под предводительством главаря собрались у стен маентка. Выстрелом из средневековой фузеи бунтующий люд был рассеян, но не усмирѣн. Противостояние продолжилось. Через три дня, ночью, не выдержав осады, панская челядь разбежалась. Трусливые холуи оставили престарелого хозяина в полном одиночестве, если не считать за гарнизон свору охотничьих собак. Под стенами замка опять собрались бунтари. Храбрый пан Сигизмунд, облачился в основательно тронутый молью мундир, напялил на плешь конфедератку и, затворившись изнутри на все засовы, приготовился к отражению босяцкого штурма. Шляхетная кровь взбурлила как в юные годы. В порыве удали витязь яростно рубил уланской саблей изъеденную шашелями мебель. Холопы, окружившие поместье, настороженно слушали грохот падающей мебели, лай собак, звон посуды и вдохновенное исполнение «Еще Польшка не сгинела...» Непонятное кажется самым страшным. «А вдруг, пан Збышек из города приехал, с полицией, на выручку отцу?» Через витые решѣтки сморкнуло дымом, раздался ужасающий рокот. Отсыревший порох горит медленно и рождает звук не резкий, а протяжный как дальний гром за холмами. Выстрел с замедленным выплѣвыванием содержимого ствола поверг души черни в таргарары. Нестроевая голытьба плюхнулась в месиво из навоза и грязи. Над бунтарскими задами пролетели ещё три огнедышащих плевка. Все, кроме солдата-пред-

водителя, задались вопросом: «А не лучше ли сидеть в своей хате и обжираться варениками?» Густой, смердящий пеклом дым стоял сплошной завесой, в окрестностях замка бродило эхо обороны. Уткнувшись носами в овечьи окатыши, содрогаясь душой и телом, быдло проклинали упрямого пана, своего атамана и всю эту непонятную революцию. Солдатик, бесстрашно бегая между лежащими, пытался поднять селян в атаку. Тщетно, умирать не желал никто, ни за какие блага. Когда боеприпас в замке иссяк, рыцарь оседлал единственную, оставшуюся после подлого предательства челяди, клячу и с палашом в деснице вылетел из центральной браны. Повстанцы, узрев Всадника Апокалипсиса, кинулись врассыпную. Только неустрашимый солдат сохранил присутствие духа. Выбив из немощных рук старика благородное оружие, возопил к своим о победе. Революционное войско, убедившись в безопасности собственной шкуры, воротилось обратно и, храбро держа вилы наготове, окружило несостоявшегося гетмана Вишнепольской державы. Пан, ругаясь на трёх местных диалектах, поднял нагайку, собираясь попотчевать ею зарвавшееся быдло. Раздалась команда: «Колли!» Сноровистые крестьянские руки засадили вилы в снопы из тела, души и одежды. Кляча, почувствовав отсутствие седока, медленно вышла из круга бунтарей. Старческие останки опустили на землю и долго кололи вилами, били кольями, пинали ногами.

Революция, о которой и не мечтали жители окрестных

сёл, свершилась. Распалённые упорной борьбой, освобождённые от недавних страхов души смутьянов требовали контрибуции в любом её выражении. Грабёж, в смысле экспроприация, сопровождаемая погромом маентка, вступила в завершающую фазу. После взлома массивной дубовой двери, ведущей в винные погреба, эксплуатируемый веками народ получил полное удовлетворение. Залитые сургучом, покрытые старинной пылью тёмные бутылки опорожнялись и разбивались под весёлый гогот экспроприаторов. Дубовые бочки прострелили из единственной трёхлинейки. Под пенную струю подставляли, кто что мог, чаще всего рты. Хлебали суетливо и жадно. Некоторые, найдя загадочные сосуды китайского происхождения, с удовольствием справили туда малую нужду. Налакавшись вдоволь и набрав про запас, стали искать съестное. Не нашли, до прихода чужих в закромах поработали свои – лакеи. Повстанцы поймали панскую боевую клячу, освеживали. Опалённая огнём конина, мерзко воняла лошадиным потом, застревала в зубах, но жрать хотелось. Насытившись, козаки запели «Роспрягайте, хлопцы, кони...» «За Сыбиром сонце сходэ...» и много других «гарных писэнь», пока не вспомнили о музыкальном сопровождении, как это было в стародавние времена при «колиивщине». Бандуристов в округе не наличествовало, а по сему послали Нюму Ямпольского за его братом Йоськой, скрипачом. Принявши панский «келых» вина, Йося сначала рубанул «фрелйыха», потом «Ты ж мэнэ пидманула...», а когда

стал выводить «Полонез», сердобольные бунтари даже прослезились. Искусство, как и классовая борьба, дело интернациональное...

Проклятые паны, на то и эксплуататоры, что просто так свои богатства не отдают. Маенток той же ночью сгорел. Возгорание произошло от... От чего возникает пожар? От огня, естественно. Оставшиеся в живых, впоследствии утверждали, что дух пана Эдварда, покойного отца, покойного пана Сигизмунда, со свечой в руке, разгуливал среди них и жутко хохотал. Хохотавшие вместе с духом люди внезапно засыпали, остальные, выматерившись и перекрестившись, продолжали гульбу, но без особого удовольствия, мешал панский хохот. Никто толком не заметил, когда и как пламя охватило мирно спящих людей. Сгорело восемь человек, обгорело много. Над окрестными сёлами повис бабий вой и причитания. Представители духовенства трёх основных конфессий занялись привычным делом – отпеванием усопших.

Честолюбивый Войтех не поверил донёсшимся в местечко слухам о разграблении маентка. Бросил работу, оседлал коня и ускакал через поля к почти осуществлённой мечте. Печальный вид пожарища, запах гари, скулёж голодных борзых над обезображенным телом хозяина вмиг развеяли все сомнения. Воздушный замок разметала буря революции. Найдя лопату, Войтех первым делом похоронил останки старика, соорудил примитивный крест на его могиле. Смотреть разграбленные и сожженные владения не стал, противно.

Медленно тронул коня в обратный путь. За подслеповатыми окнами мазанок, угадывались едва уловимые движения и настороженные взгляды вчерашних героев-бунтарей.

Со временем, когда руины замка поросли травой, набрал силу слух: «Добрейшего пана убил местечковый полячок, метивший в хозяева маентка. Ограбивши в Галиции полковую кассу, он де вернулся с фронта революционером и продолжил свои тёмные дела в мирном уезде. Банда, с которой полячок грабил маенток пана Сигизмунда, состояла из цыган и одесских блатных, а мы, местные селяне – люди тихие, пужливые, в страхе за своё хозяйство из дворов ни ногой не ступали».

Бог нам всем судья.

Потрясённый крушением романтической мечты и отсутствием цели, Войтех потерял всяческий интерес к хозяйству, крестьянскому труду и даже к бесчисленным Марухам, блудивших с ним явно и тайно. После очередной размолвки с братом, вынул из-под стрехи припрятанный карабин, вскочил на коня и скрылся за холмами. Ян, бурча под нос ругательства, продолжал кормить свиней. «Вернётся, пся крев! Где это видано, чтоб человек от своего добра ушёл, от хозяйства, от винных подвалов, от «скрыни»... Пора бы посмотреть... может, он её с собой утащил или ополовинил? Нет, вот она, на месте, но надобно перепрятать, мало ли чего... Он молодой, горячий, наделает глупостей... Три дня прошло, а Войтеха нет...» «Уж две недели...» «Це-

лый месяц...» «Пропал бедолага, один я на всём белом свете остался, один... Пойду перепрячу золото... Слава Богу, есть немного, на чёрный день... Войтех, Войтех, где ты? Может, он взаправду в Краков за шляхетной невестой подался... Дай то, Бог!»

Нет, Войтех вступил в первую попавшуюся на его стрёмном пути банду. Шайка насчитывала сто тринадцать сабель, три тачанки, два пулемёта, шесть телег и гордо именовала себя: «Отдельный интернациональный отряд селянского гнева под командованием революционного Красного знамени и батьки Изяслава Шустеренки». Двоюродный брат командира, по совместительству начальник обоза, Йойна Шустер, на счастье Войтеха, оказался местечковым земляком и поручился за его истинно крестьянское происхождение. Разухабистые дни пролетарской борьбы потекли сплошной чередой. Не связываясь с превосходящими силами противника, умело маневрируя мобильным отрядом, Изя...слав Шустеренко успешно наносил значительный урон куркульской, фабрикантской и прочей богатой сволочи. Зажиточный аграрий Войтех, превратившись в меткого стрельца и лихого рубаку, самозабвенно срубал сучья, на которых вырос. Он не виноват, виновата эпидемия смуты, охватившая страну и населявших её людей. Впрочем, не всех. Пока красногвардеец Войтех неистово удобрял землю чужими телами, брат его Януш привычно орошал почву своим потом.

(Пойду, возьму бутылку... Нет, сначала надо объяснить значение некоторых слов, например брама.

Брама – ворота замка, закрытого двора или хозяйственной постройки. Теперь можно по рюмочке, по маленькой... чем поят лошадей... Нет, есть ещё непонятки.

Кобета – женщина.

Кшыж – распятие И.Х.

Теперь сам Бог велел.

...Так пить нельзя! ...Целую неделю потерял, ханурик...)

ЯН

Лишённое верхового коня, хозяйство Божемских значительного ущерба не претерпело. Ян верхом почти не ездил. Не любил, мешала левая нога, покалеченная в детстве. Он заметно не хромал, так, малость припадал к концу дня. Роста Ян был невысокого, коренастый, сильный, волосы ёжиком, густые тёмные, лоб низкий, брови чёрное, лицо рябое, округловатое... глаза внимательные, нос прямой, губы большие, подбородок крепкий, усы роскошные. Усы действительно роскошные, в волосах ни единой сединки. Не брал дурное в голову Ян Божемский, потому и не знал седины. Видимо, даже частое перепрягивание кубышки имело чисто ритуальный характер и душевных страданий не приносило. Руки...

Одним из наиболее выразительных элементов человеческого облика являются руки. Руки как ничто другое вы-

казывают суть человека, его характера, доброжелательного или враждебного отношения к вам. Пожмите руку человека, и то, что вы ощутите в первые мгновения, будет ему лучшей характеристикой. Не ждите ни его слов, ни собственных предубедительных рассуждений, ошибётесь. Пусть вас не смущают мысли о том, что ваши руки иногда не нравятся вам самим, иногда дрожат, иногда потеют. Во первых, люди редко сами себе нравятся, во вторых... пить надо меньше, в третьих – врать не гоже... Это автор о себе, а надо бы о Януше...

Руки у Яна были крепкие, жилистые, пальцы длинные, ладони сухие, малость шершавые. Пан Янек любил выпить, но никогда не напивался, любил работать, но не перерабатывал... В целях экономии средств, не курил, не ходил в гости и к женщинам лёгкого поведения, по этой же причине жил в полуземлянке...

(И это жизнь?!)

...которая, впоследствии, должна стать первым этажом его дома и использоваться как помещения для батраков, скота и прислуги. Грандиозные планы строительства дома, существовали не одно десятилетие, но с каждым годом полуземлянка становилась всё роднее. Тут летом не жарко, зимой не холодно, имеется потайной лаз в подземелье, где спрятаны золотые. Со второго этажа подземный ход не устроишь, а

пронырливые батраки, прислуга могут найти имеющийся..., да и едят они много. К тому же столь тёмные времена, не до строительства.

Итак, далёкие революционные события докатились, таки, в захолустную окраину великой империи. Власть в центре местечка так часто менялась, что обитатели окраин утратили первоначальный острый интерес к смене флага на здании Земства. Разве что в базарный день народонаселение узнавало о неведомой доселе бандитской силе, в смысле – политической. Справным хозяевам надобно о своём заботиться, о хлебе насущном. И не только о том, как его вырастить, как надёжней схоронить. Спрятать дело не хитрое, сложнее скрыть от соседей истинные размеры собранного урожая и нажитого добра. Только свои гады, сохраняя доброжелательную мину на лице, способны, по тем или иным мотивам, навести вновь пришедшую власть на закрома ближнего своего. По сему преобладали разговоры о полёглых, залитых дождями и сожжённых хлебах, отбившихся и съеденных волками лошадях, коровах, овцах, о бесчисленных падежах скота, о голодных детях, о прочих ужасах бытия и природных катаклизмов. Как будто рассказывается это пришельцам из заморских стран, а не людям живущим рядом. Что касаясь власти, то не обсуждалось. Власть... она от Бога, будь то белые, красные, жовто-блакитные, германцы, турки, поляки, чтоб не попасть впросак, моя хата с краю... Ушлые дядьки научились прятать дорогие сердцу ценности в таких местах,

о которых сам чёрт не догадается. Коровы обитали в горницах, овцы на чердаках, домашняя птица, прошедшая школу хозяйской дрессуры, таилась в кронах деревьев. По ночам рылись спасительные схроны с подземными тоннелями в ближайшие овраги и непроходимые для чужаков заросли терновника. Обустройство схронов выполнялось в строжайшей тайне от всех, даже от родственников. Снедаемые завистью, давней обидой, или вне всяких видимых причин, жители местечка устраивали взаимные козни и большие неприятности ближним. Смута – она и есть смута.

Однажды на рассвете в дверь полуземлянки громко постучали. Недовольный ранним визитом, пан Ян открыл засов. На пороге, весь в коже и португелях стоял пан, пшепрошем, стоял товарищ Войтех... Ещё раз просим прощения, на пороге стоял красногвардеец Вася. «Матка Боска, Войтех!» Братья обнялись, из глаз Яна брызнули слёзы. Старый стал, сентиментальный. Сердечная встреча затянулась до поздней ночи, до первых петухов. Осушено не два и не три жбана доброго хозяйского вина, чего не случилось ни разу за всю совместную жизнь. Под утро аполитичный Януш выразил желание вступить в войско гетмана Пилсудского и навсегда закрепить за Польшей земли «от можа, до можа»... Вот тебе законопослушный гражданин Российской империи, «сколько волка ни корми», а пшеку все два моря подавай. Войтех, как политически подкованный, предрекал мировую революцию и обещал самолично отрубить голову недобитому пану

Пилсудскому, чтоб не смущал умы русских аграриев польского происхождения....

Уснули в согласии.

На следующий день в местечко сунулись жовто-блакитные. Получив от красных неожиданную взбучку, паны добродии ускакали. Свист и улюлюканье краснопузых были преждевременными. Через три дня подлые петлюровцы с большим численным перевесом вернулись и, после небольшой, но яростной стычки, заняли полунаселённый пункт. Красногвардеец Вася, покинувший по общей тревоге родную обитель, в кустах не отлеживался. Проявляя недюжинную ловкость и боевое мастерство, рубился в самой гуще врага, там же столкнулся нос к носу со своим закадычным дружком и соперником среди поклонниц, Тарасом Семенюком. Полоснув приятеля по спине саблей... плашмя, разумеется, Войтех проскакал на подмогу командиру. Там его настигла и выбила из седла вражеская пуля. «Если смерти, то мгновенной, если раны...» Рана была как в песне – небольшая, но в голову.

Тёмной ночью, вернувшись к сознанию, боец пробрался в родную землянку. «Езос Христос! Живой!» Пан Ян, имеющий некое представление и навыки в ветеринарии, перевязал брата исподними рубашками покойной матери, хранящимся лет двадцать в кованном сундуке бабушки, тоже, естественно, покойной. Недели полторы раненый отлеживался в схроне. Брат лечил брата народным способом – при-

кладывал к ране листья подорожника и промывая её крепким самогоном. На медицинском поприще Ян добился поразительных успехов. Вскоре Войтех поправился и стал исчезать по ночам. Видимо, проводил пропагандистскую работу среди многочисленных вдовушек, ох как истосковавшихся по настоящей мужской пропаганде. Однако в подпольной деятельности много сложных моментов и неписанных правил. Не обходится без измен и предательств, не важно по какой причине они совершены, по идейной, корыстной или из ревности. Увы, Войтех не солнышко, обогреть всех желающих не в состоянии. Некие слухи докатились в коридоры жовто-блакитной власти. К землянке Божемских, в смушковых папахах, с обвислыми усами и запахом самогонного перегара явились яркие представители национальных патриотов. Во главе тройки героев важно ступал Тарас Семенюк. Уж больно обидный показался казаку удар шашкой по спине, да ещё плашмя. Смачно матерясь, он долго тряс Яна за грудки, припоминая ляху все претензии украинского народа к Речи Посполитой. Из конкретных вопросов, выделялись три: где Войтех, где самогон, где сало? Самогон нашёлся сразу, сало – после двух подсрачников, полученных Яном от коллег Тараса, явно страдающих похмельем. «А Войтеха, паны добродии, не бачыв, кажуть вбылы його ваши козаки. То, панэ Тарас, дуже добрэ, бо цей краснопузый брат з комунякамы забрав у мэнэ майжэ всэ сало и кабана на шить пудив». Опохмелившись, казачество подобрело и, пообещав безмозгло-

му ляху большие напасти, а его брату пулю в сраку, удалилось, прихватив невесть откуда вышедшего во двор петушка. Птицу пан Ян отдал без всякого сожаления, даже с удовольствием, поскольку для представителей украинской власти ему ничего не жалко... тем более, чужого, соседского. Своих же курочек он держал в надёжном месте и раздавать кому ни попадя не намеревался. Войтех, глядя из-под собачьей будки, где была обустроена наблюдательная щель из схрона, лишь посмеивался над действиями Тараса и его козаков-петлюровцев. Один из них недавно сбежал из красноармейского отряда. Оно и понятно, после смены командира многие оставили краснознамённые ряды. Кому охота воевать просто так – за идею. Войтех тоже подумывал о Пилсудском, но товарищи свыше прислали в летучий отряд нового комиссара, убедительно пропагандирующего задачи мировой революции. Боец революции попал на искусный крючок пропаганды и личного обаяния политработника. Ах, какой славный у них в отряде комиссар был... Анелька Свидерская не менее хороша... Даже брат Ян не обошел вниманием: «Курва, пся крэв! Яка матка, така дзятка!» Давным-давно, по глупой молодости, Янек сватался к матери Анельки Альбине Медуньчик, но та, поднеся неудачливому жениху гарбуз, вышла за Болика Свидерского. Чахлый Болик в девятьсот пятом году умер от поноса. Альбина, оставшись без средств к существованию и с малым дитём на руках, передала Яну, что согласна стать его женой. Увы, то ли арбуз оказался слиш-

ком тяжёл, то ли память у Яна крепка, вдова осталась при своих интересах. «Альбина до сих пор статью держит, но брат Януш обозлён на весь их род и не одобряет моих устремлений. Старый уже, годов пятьдесят стукнуло, а то и больше. Не стоит его расстраивать, лучше сегодня к Ганке Махновецкой схожу, тоже хороша». На самом деле сомнения терзали Войтеха не по причине родовой неприязни брата к родне Свидерских. Красноармейцу не столько была мила Анелька, как чувство к далёкому комиссару, грезившему мировой революцией и освобождением угнетённых масс. Душевные метания не давали покоя блудливому телу. Получив отлуп от одной, подтоптаный парубок находил отраду в объятиях другой вдовствующей Марухи и обычно возвращался в схрон только под утро.

На православного Спаса сосед Яна Роман Бурковский шепнул через тын: «Убылы Войтеха паны добродии у мэнэ в виногради. Зараз туда не ходы, бо бачыв там людей в кущах с обрезами, може тэбэ пиджыдають». Разузнав подробнее, где лежит тело брата, Ян опечалился. Ромка врать не станет. Предварительно сняв дёрн и выложив его в сторонке, выкопал под орехом глубокую, узкую щель. Тёмной ночью прокрался к Романовым виноградникам и стал швырять по кустам камнями... Тишина, засады не наблюдалось. Может, ушли или уснули с перепою, праздник всё же. «Поцюлюйте пана в дупу, пан Ян на Спаса мед пыв» – злобно молвил невидимым врагам Янек, положил тело брата на верет-

ку и поволок к свежевырытой могиле. Вот так: в ночи, без соборования, без отпевания, без ксендза похоронил Ян Божемский самого любимого, на сей грешной земле человека – младшего брата Войтеха. Опасаясь осквернения могилы, тщательно притоптал её, положил дёрн на место, и тут (Сам Бог помог) хлынул ливень, ударила гроза, смывая все ночные следы. От горя и возбуждения Ян в ту ночь так и не заснул. Молча лежал, тупо и монотонно размышлял. «Кто выследил и убил брата? Может Тарас Семенюк, мо Лозинский, тоже подбивавший клинья к Анельке, мо кто из братьев Лозанов, шлявшихся по ночам с известной грабительской целью? Царство небесное, Войтех».

Петлюровцы зацепились бы в местечке надолго, но власть прибирал в костлявые руки сыпной тиф, а с таким грозным противником лучше не связываться. Атаман жовто-блакитных – Батько Йосып Тонкопий, нашёл новое место для передислокации, что особых забот не принесло, ибо подобных населённых пунктов существовало бесчисленное множество. Всегда можно найти гарнизон послабее и выгнать из насиженных хат. Патриоты, как и подобает истинным героям, покинули тифозное местечко ночью. Эпидемия подобно грибку бродила из хаты в хату, часто возвращаясь (шаг вперёд, два шага назад). Бабы над покойниками уже не выли, а мужики гробы не строгаля. Хоронили молча, в одном месте без разбора на вероисповеданье (не до того), посыпая трупы известью. Там, на том свете, Бог разберётся, кого куда

направить.

Ян переселился из землянки в винарню и задумался, что ему теперь делать с ведром золотых червонцев?

(Да... я, с похмельюги, составил словесный портрет генерального секретаря ВКПб товарища Сталина... Ну и что? Если малость похож, куда от этого денешься?...

Слова, употребляемые на местном диалекте и требующие разъяснения:

дуна – задница,

веретка – домотканая дорожка на пол.)

КЛАД

Сакраментальный вопрос – куда припрятать золото, чтоб была возможность в любой момент им воспользоваться, мучит человечество не одну тысячу лет, но ответ так и не найден. Каждый поступает по своему разумению... удивительно совпадающему с разумением древних. Стереотип стяжательского мышления не отличается палитрой разнообразия. Потратить, раздать, вложить в дело и прочие подобные предложения не втискиваются в рамки стереотипа... Как это потратить? А вдруг понадобится? Даже на том свете, кто знает что там и как? Или пропить?... Пропить! Сие Яну в голову придти не могло, поскольку совсем недавно, когда брат пришёл в дом весь в офицерских портупелях и с красной звездой на лбу... Надо бы написать «с красной звездой на картузе,

на будёновке, на фуражке, на кашкете, на головном уборе», но это будет неправдой, в сознании местечковых людей красная пятиконечная звезда навечно припечатана на лоб Войтеха. Так и останется он в памяти современников, никогда не стремившись к этому и не помышляя о том, вечным коммунистом... Чего не скажешь о брате его, как и не скажешь, что Ян был пропойца. Единственный раз в жизни он допустил грех виночерпия в момент их недавней встречи.

«Что делать с золотыми царскими червонцами? Царя нет, (он, конечно, вернётся), Петлюра не царь, Пилсудский... Пилсудского покойный Войтех грозился зарубить... Зачем мне Пилсудский и эти польские поляки, презирающие нас русских поляков?... У Ленина, говорят, жена полячка, она не обидит своих, католиков, даже если по мужу православие приняла, или кто он там. Говорят, Ленин обещал своей бабе и теще, как только завоюет власть, освободить от России Польшу, а все спорные земли разделить по справедливости. Советы обещают землю раздать нам, крестьянам. Это правильно, справным господарям земля нужна. У меня немного есть, немного прикуплю, и на долю Войтеха должны дать, не зря же воевал за них. Сам намекал на комиссара, мол, справедливый... Дадут, непременно дадут... гектаров десять... сорок. Больше не надо. Или... да, пусть ещё отдадут панский маенток, найму батраков, конюха, челядь... Ясновельможный пан Божемский, в панбархатном халате с чубуком... Усы на грудь свисают, длинные, расчёсанные. Кру-

гом псы бегают, жена шляхетная, дзятки маленькие... Маенток... «Фольварк Червоного Войтеха»... Жаль, он не дожил... и краснопузые ещё не победили. Не ровён час добродии меня, как брата... в спину из обреза или топором по темечку... Золото найдут... Опасно пенёнзы держать рядом, даже глубоко зарытыми. Людишки хитрые станут искать и найдут потайной ход, схрон, скрыню... Закопать следует на своей земле, но в глухом месте... на поле возле одаи. То поле ещё при царице-матушке Екатерине Великой прадед Болеслав купил. Купчая сохранилась. Землю, честно купленную, никто не имеет права отобрать...»

Превращение царских червонцев из реального золотого запаса в тайный клад, происходило, как водится, ночью при мерцающем свете светильника из козьего жира. Ян сперва высыпал содержимое кубышки в мерное ведро. Всё на месте. Звенящая струя хлынула в старинный, кованный турецкими мастерами, медный кувшин. Любовно разгладив бесценное фамильное достояние, Януш плотно закрыл монеты войлочным кругом... Войлок гниёт медленно, а при повышении влажности укупоривает сосуд почти герметично, но для бережливого пана этого показалось мало. Тщательно укутав кувшин вощёной бумагой, он опустил куль в холщовый мешок, надёжно завязал и отёр пот со лба. Всё, посылка к путешествию во времени подготовлена. Закладка капсулы состоялась через три ночи возле дуба, по родовому преданию, посаженного всё тем же прадедом Болеславом. От-

считав в сторону казацкой одаи тридцать три (!) шага, выкопал яму, в яме прямок, положил в углубление клад... подумал и перевернул его таким образом, чтоб горло кувшина смотрело вниз. «Добже, если даже водой зальёт, то пенёны сухими останутся». Нагрёб глины и умелыми руками обмял ею своё сокровище. «Глина воду не пропустит». Снял с телеги специально привезённую плиту из песчаника. Окропил камень святой водой, поплевал на удачу через левое плечо (там обычно сидит чертёнок и подглядывает), сбросил в яму. Плита легла не совсем удачно, не на то место, где засыпан кувшин. «Пся крэв, холера ясна!» Спрыгнул в яму и с трудом передвинул плиту в нужное положение. Постоял на каменюке и, убедившись в надёжности её залегания, вылез из ямы. «Добже, по-хозяйски!» Тщательно утрамбовывая каждый слой, принялся зарывать. Вошла круглая, жёлтая луна, за ярами, за русавским лесом взвыл волк, но страха вой не внушал. «Волки не люди, чего их бояться?» Всё, дело сделано, можно отдыхать и наслаждаться. Януш ткнул кукиш в сторону местечка. «Вот вам, паны добродии! Теперь если даже убьёте, золото всё равно не найдёте. Вот вам! Найдут свои, кровные родственники... Какие родственники? Была одна родная душа, и ту погубили... догадываюсь кто. Кому ж достанется золото?... По закону сестре Петруньке и её детям, они ближайšie родственники?... Только не им! Ослушалась, вышла замуж за православного Марчука! Плодят голытьбу, уже семерых нарожали, работать не хотят, батрачат.

Нет, Марчукам не оставляю, ни за что! Дожил, завещание некому оставить...» Ян остервенело, сплюнул в туманное будущее, малость поворочался на телеге и уснул.

Три дня с рассвета до заката пахал на зябь. Над турецким кувшином легли рваные борозды распаханного чернозёма. Ян малость запаниковал, вдруг, сам не найдёт когда понадобится... «Найду, я своё добро учую, и закопано не так уж глубоко. Найду».

Смута продолжалась, власть в местечке менялась часто, вероятно, мир сошёл с ума... Не весь, за рекой, в Бессарабии, наблюдалось спокойствие и нищета. Раз есть нищета, значит, есть сильная власть, которая к ней приводит, это успокаивало, придут и на левобережье стабильные времена, установится власть... Однажды, в базарный день, местечко захватил летучий отряд Красной гвардии под командованием товарища Криворучко. На Царской долине, пустыре, постоянно заливаемом в половодье, развернули митинг...

Долина в основном использовалась как выпас для коз и водоплавающей птицы, а в благоприятные засушливые времена на площади проводились ярмарки. Какие в революцию ярмарки? Так баловство одно, вот при царе... Долину, кстати, каждая власть переименовывала на свой лад, была она и атаманской, и козацкой, и красной, и белой, и... Местечковый люд, с маниакальным упрямством, называл её Царской, – рудимент прошлого, аппендикс монархии. Помост, сооружённый во времена царствования Александра третье-

го – миротворца, для обеспечения праздничных гуляний и выступления странствующих лицедеев, превратился в политическую трибуну, безропотно сносившую выступления комиссаров, атаманов, офицеров... Впрочем, по мнению обывателей, все ораторы были бандиты и годились только для одного, быть повешенными на этом старинном сооружении. Однако этого ни к счастью, ни к сожалению не случилось, а помост, обладая необходимыми революционными качествами, служил верную службу представителям всех разношерстных властей. Вместительный, акустически удачно расположенный, прочно сбитый... на столько прочно, что доморощенные диктаторы картинно гарцевали по его кривым доскам верхом на коне. Местоположение трибуны позволяло в считанные минуты превращать базар в митинг и наоборот...

«Наоборот», с окончательным установлением советской власти прекратился. Плановой экономике базар не нужен.

А пока митинг продолжался. Голытьба, сверкая из прорех голыми задами, толпилась у помоста, солидные хозяева неплотно сбились чуть поодаль, особнячком. Мол, ваши разговоры нас мало интересуют, но почему бы не послушать, коль представление бесплатное. Дали слово стриженной барышне с волоокими глазами и наганом в кожаной кобуре. Она громко верещала о гидре мировой контрреволюции – Антанте, об интервенции, о справедливости, хлебе, земле и Ленине...

Справные хозяева были бы не против дать Ленину хлеба, но всех злыдарей и лодырюг не прокормишь, у самих семеро по лавкам.

Завершая пламенный визг, бабёнка вспомнила о герое красногвардейце Василии Божемском, принявшем смерть за дело угнетённого пролетариата. Януш побагровел. Позор, о котором многие только перешёптывались, громогласно выбился в люди. Справные хозяева малость посторонились от пана Януша. Кто знает, какая власть придёт завтра... Раздосадованный брат красного героя, смущённо покинул ярмарку, забыв купить новую лопату, старая то совсем никудышная.

Ближе к вечеру, в убогое жилище хромоногого бобыля пожаловала кареглазая ораторша.

– Здравствуйте! Вы брат товарища Васи... товарища Войтеха?

– Я... пани... товрыщ-ка...

– Можно войти? – Бобыль неуклюже посторонился. – Будем знакомы, комиссар отряда Фаина Божемска, жена Войтеха.

– Пшепрошем... Як то жона? Войтех брав пани до шлюбу?

– Пережитки, товарищ Ян. Нас записали революционным браком на пролетарском митинге в селе Жабокряк, а в свидетели занесены товарищ Маркс и товарищ Ленин.

– Ленин! Сам Ленин?

– И Маркс.

– Пшепрошем, пани, той Маркс, часом, не сын Хайки, торговавшей мылом на могилёвском шляху?

– Карл Маркс – учитель и вождь мирового пролетариата, темнота.

– Зараз я каганец запалю...

– Темнота в переносном смысле... Товарищ Маркс – со-здал «Капитал».

– Капитал трудно нажить, пани. То значит Маркс не сын Хайки?

– Карл Маркс революционер-экономист.

– Ага, раввин. То по якому обряду он вас венчал, по иудейскому?

– Нас не венчали, мы записаны в протокол митинга как муж и жена. Революция отменила поповские обряды. Войтех, свято исполнял и хранил идеи мировой революции.

– То, значит, он их хранил в мазанке у Анельки?

– Почему? У какой Анельки?

– Свидерской, дочки Альбины. – Пан Януш разволновался. – То знамо, пани-товаришке комиссарше, цо Войтех Анельку сватать собирался, из-за Анельки его убили! Знамо?... То добжа жонка, от которой муж гуляет?...

– ...Контра недобитая! – комиссарша выхватила наган. Пан Януш попятился к стенке. – Пропаганду свою куркульскую проводишь, мироед хромоногий! – Взвела курок.

– Пани, то правда, Анелька привечала Войтеха...

– Может, он вёл разъяснительную работу среди бедноты,

агитировал за советскую власть, конспирируясь Аделькой...

– Анелькой, пани, пшепрошем, не стреляйте, пани. – Комисарша опустила наган, Ян осмелел, разжалобился. – Може, пани правду каже, може Войтех агитацию разводил. Не может муж от жены гулять напропалу. У той Анельки, пани, курва мама, и вона така сама, пся крев! Я ему говорил, та Войтех... Вы же знаете Войтеха, пани?...

– Фаина.

– Пани Фаина, он дурноватый, поляк безмозглый! Садитесь за стол, я зараз сала принесу, молока козьего. Пани родом з Могилёва?

– С Одессы.

– То от нас дужэ далеко, пани Фаина, а я тилько в Могилёве був, там аж две синагоги. То пани взяли нашу фамилию?

– Мы с Войтехом решили взять фамилию революционную – Комиссаровы и сына так записать, но не успели оформить. Меня партия направила на подпольную работу в Одессу. Там я родила Мишу, сына Войтеха...

– У Войтеха сын?

– Михаил Васильевич Божемский. Войтех не знал, что Миша родился...

– Як не знал? То сын Войтеха?

– А вы думаете, я вас обманываю?... Зачем?

– Може, пани Фаина, хоче наследство, то у нас ниц нема, ни гроша. Выпейте молока, пани, добже молоко. То як у пани фамилия?

– Зильберман.

– У нас, пани Зильберман, нема сребра...

– Любила я Войтеха, понимаешь, старик, любила! Не нужно мне ни наследство, ни серебро, ни золото...

– Того золота нема, петлюры забрали...

– Где Войтех похоронен?

– То тайна, пани...

– Где?

– Под орехом...

На следующий день к ореху прискакал летучий отряд товарища Мирона Криворучко с флагом, походным оркестром и австрийской пушкой. Истоптав копытами огород, устроили митинг. «Холера, ясна, пся крев!» Пан Януш обречено плямкал губами, изображая совместное с отрядом пение Интернационала. Далее краснопузые установили на могиле брата деревянный шпиль с бесовской звездой, зарядили пушку и стрельнули снарядом в небо. Как выяснилось впоследствии, целились в небо, а попали в козу горбатой Домки Баранецкой, что живёт за Броварской кладкой. Командир Мирон Криворучко с ближайшим окружением, посетил жилище павшего красногвардейца. Выпив ведро... (мерило золотого запаса) доброго червонного вина, расцеловал Яна в губы и велел хранить прах героя как зеницу ока. Комиссар отряда товарищ Фаина, с влажными глазами, по-родственному обняла Януша и ускакала вслед за командиром. Пан Януш облегчённо сплюнул и вытер губы рукавом.

Через день отряд, как ему положено по названию, улетучился. Пан брат, пана-товарища героя, под покровом темноты уволок обелиск со звездой в курятник. Перевернутый обелиск с успехом выполнял функцию гнезда, в котором неслись куры. «Пся крев, холера ясна!» Окончательно пан успокоился, когда отдал горбатой Баранецкой пачку керенок, за убитую козу. Керенки, давно не ходили, но Домця припрятала их в ожидании других времён, всё лучше, чем ничего.

С памятного визита свояченицы, мозги ретрограда пошли в полную раскоряку. Не смотря на, вроде, искренние терзания Фаины, он ей не поверил и мысленно сокрушался, что Войтех связался с иудейкой... «Хотя... он и с цыганками шашни заводил, и с молдаванками. Эт, харцизяка, холера ясна! Эта Фаня, похоже, про червонцы не знает или прикидывается. Евреи народ битый, к чужому золоту у них нюх особый. А про сына выдумала, не может у Войтеха мальчик родиться. Ульяна, цыганка, родила ему белокурую девочку Азку, Верка Галапайда, тоже девочку... Была бы девчонка, может и поверил... Не дам я никому никакой доли! Эта комиссарша, зря на могиле плакала... Наган подарила, зачем мне наган?...»

(Как бы не болела голова, похмеляться не стану, разве пивка?... Угу, для рывка. Нет. Надо работать.

Когда пил, курить с утра не мог, воротило, теперь ничего, затянешься с утра натошак, башка кругом идёт... Мо-

эжет, мне и курить бросить? К чему это «и курить», можно подумать, я пить завязал, так, малость пристегнул...

Чой-то я местечковым диалектом увлёкся, надо бы объяснить:

*кашкет – фуражка восьмиклинка,
одая – балка поросшая кустарником,
каганец – жировой светильник,
пенёнзы – деньги,
Зильберман – серебряный человек, скорее всего седой,
кладка – мостик.)*

СОЦИАЛИЗМ

Над землёй скифов, уличей и тиверцев, истерзанной смутными временами, поднималась кровавая заря новой жизни. Хроника событий предрассветного времени изобилует пёстрыми картинками калейдоскопа человеческих глупостей, ловко скрывающих божественную мудрость бытия.

Наполненный монетами магометанский кувшин покрывался зеленью благородной патины. Войлок, как и предполагал Ян, впитывая естественную влагу, надёжно укупоривал ёмкость, оставляя на её стенке чёткий след – уровень наполнения, ставший впоследствии очень важной деталью...

Отчаянный сокол революции, Мирон Криворучко, устав летать по холмам и долам Подолии, организовал в родном селе, недалеко от знакомого нам уездного местечка, незави-

симум республику Селезнёвку. Республика насчитывала одноимённое село и три ближайших хутора, не признавала над собой ничью власть, включая советскую. Селезнёвская республиканская армия обстреливала любой вооруженный отряд или группу людей, двигавшихся в её направлении.

Из более отдалённых и менее существенных событий можно вспомнить расстрел известным одесским налётчиком Мишкой Япончиком машиниста паровоза на узловой станции Вапнярка. Моня, прищемлённый за хвост сотрудниками ОГПУ, собрал уголовное отребье для имитации борьбы революционной красной малины против пшецких жолнеров. Завсегдатаи знаменитого кичмана одесские уркаганы по пути следования на польский фронт сообразили, что им предстоит совершать налёты не на беззащитных обывателей, а на кавалерийские пики конфедератов спереди и заградительный огонь чекистских пулемётов сзади. Такой безысходный расклад джентльменов удачи не радовал, и на станции Мардаровка они сошли по-английски, не прощаясь. Япончика разбудили в Вапнярке и обсказали атаману весь его контрреволюционный конфуз. Босяцкий командарм, выигрывая время у сопровождавших его чекистов, ругался, пучил глаза. Пуская понты, застрелил ни в чём не повинного машиниста, после чего ускакал в лесостепь, якобы искать свою уголовную армию. Чекисты и комиссары доверчиво ждали возвращения блудного революционера Моню аж до самого вечера. И-таки напрасно. Какой умный человек поменяет луч-

ший город мира на какой-то захудалый фронт? Армия красноармейцев-налётчиков тонкими ручейками стеклась обратно под сень приморских акаций. Вскоре булыжные шкуры тенистых улиц ощутили на себе лёгкую поступь и босяцкого предводителя Мони, шоб он нам был здоров.

Батяка Махно, маракуя над тайными тропами, ведущими в Европу, не раз посещал благодатные земли Подолии. О чём помышлял, то и осуществил в районе села Каменки, известной просвещённому обществу в связи с длительным пребыванием в ней русского гения Александра Сергеевича... конечно же, Пушкина. Говорят... врут поди, что где-то, в укромных местах, на берегу Тираса, анархо-коммунист Нестор Иванович зарыл на многие лета свои скарбы, награбленные его лихими хлопцами. Сокровища не бог весть, всё больше безвкусные украшения упитанных барышень из разбогатевших семей Новороссии. Побрякушки в те времена имели ценность номинальную, выражавшуюся в граммах и каратах, но если бы их нашли... или когда найдут, они будут представлять ценность историческую. Однако всех махновцев, знавших о местоположении батькового клада, положил в сыру землю отряд ЧОН, рубивший вражеские головы под командованием кавалера Революционного Красного Знамени, товарища Малыша. Нестор Иванович, опечалившись потерей личного состава и большевистским коварством, спешно лёг в гроб... чтоб переправиться на правый берег, в Бессарабию. Не найдя общий язык с молдаванами, затаив обиду

на большевиков, батька отбыл в город Париж, где умер в нищете от туберкулёза, подхваченного ещё во время отсидки в Бутырке. Его соратница и жена Галина Андреевна Кузьменко, завлечённая вместе с дочкой Еленой Несторовной в Советский Союз агентами НКВД, мужнину тайну не выдала... скорее всего, не посвящена. Батька, человек предусмотрительный, унеся секрет с собой, с того света следит, чтоб его богатства попали в руки достойного ему анархиста. У автора есть подозрение, что никакого клада не существовало, а батька Махно есть реинкарнация славного кошевого атамана Сирко в двадцатом столетии. Таков краткий экскурс в недавнюю историю края.

Ошеломлённый безвременной кончиной любимого брата, в обстановке всеобщего хаоса пан Ян задумал дерзновенное... Если кто подумал, что дерзновенное для католика – это нарушение десяти заповедей или поджёг костёла, то он ошибается. Аристократ лозы, сохи и лопаты задумал нечто более существенное, всполошившее местечковую общину не менее, чем обрыдшие всем революции и войны. Задуманное повергло женскую часть общества в пучину тайных мечтаний и несбыточных грёз. Мужскую половину – в зависть, в чувственный сарказм, изливавшийся потоками грязных слов, перемешанных с желчью... Пан Януш решил жениться. А что, пожалуй, пора. Парубок он хоть куда, не какой-нибудь вдовец, загнавший на тот свет не одну жену и мечтающий о прижизненных мучениях следующей. Нет, же-

них Ян завидный... Правда, малость хромает... Значит, не станет бегать к другим... и не догонит супругу при её подлом поведении. Подслеповат... не беда, жениться, не в дозоре стоять. Глуховат... очень хорошо, детский крик раздражать не будет. Косноязычен... так это ж здорово, наслушались в последнее время этих революционных и прочих краснобаев. Словом, жених недурственный, главное – не целованный. Засидевшиеся в старых девах католички, отложили вязальные спицы, праведные мысли о целомудрии, о Боге и его наместнике на земле. Предстоял животрепещущий марафон по охмурению мозгов новоявленного претендента на разбитые безнадёгой бабьи сердца и вялые, подёрнутые сетью морщин, руки. В стане конкурирующих свах возродился давно забытый ажиотаж. Сначала попытались втиснуть выжившему из ума пану залежалый товар. Бобыль крутил носом, дёргал ус и отказывал. В ход пошли невесты покруче, некоторые с приданным. Опять облом. Ушлые свахи, не мудрствуя лукаво, предложили себя, «куда уж лучше»... Не подошли! Обозлённые служки Гименея устроили бойкот привередливому клиенту, но пан не растерялся и занялся поиском самостоятельно. Наплевав на приличия и усердные молитвы, он высматривал себе пару не где-либо, а в костёле и высмотрел, даже не пару, но тройню...

Шведская семья и групповой секс к столь странному выбору невесты здесь не при чём. Пан Ян, не взирая на некоторые отрицательные черты характера, был человеком правед-

ным, семейным, богобоязненным.

Что же повлияло на задумку и выбор старого холостяка? Возможно, учение профессора Зигмунда Фрейда? Его теория в циничном изложении профессиональной свахи пани Поцюлинской звучит незамысловато: «Идеал – идеалом, а всё кончается одеялом». Возможно, но не точно, поскольку пан спал под кожухом. Тогда что же? Быть может, нежелание отдать наследство в чужие руки? «Племянникам Марчукам, известным в местечке лодырям и голытьбе, да ни за что! Уж лучше племяннику Михасю... Хотя, какой из него Михась, скорее Мойша, и раввин давно сплюнул кески на ритуальное блюдо одесской синагоги. Хитрая Фанька замыслила меня своим байстрюком завлечь, так таких байстрючат после Войтеха по местечку полно гуляет, пся крев!» Правда, невестка Фаина больше не заявлялась, и Ян решил, что убили несчастную, а кровного племянника Мойшу своя родня приветит. «В Одессе, говорят, одни иудеи, и находится она далеко, за морем». По правде сказать, Януш географией не увлекался и отчаянно боялся покидать родное местечко, так как единственный совершённый паном вояж в близлежащий Могилёв окончился печально – на базаре босяки вытащили все деньги из его кармана. Слава Богу, главная сумма, предварительно зашитая в кальсоны, осталась в целости. Ни паровоза, ни автомобиля пану видеть не хотелось и не пришлось до конца жизни. Однажды над местечком пролетал аэроплан, но он не видел и подозревал, что все, сговорившись, его про-

сто дурачат. «Врите больше. Разве может кто, кроме птиц и Ангелов, летать по небу?.. Ероплан!» Можно подумать, что Ян где-либо видел летящих Ангелов, кроме как на иконах, но ведь верил.

Итак, главным фактором в выборе невесты был... её сын... даже не сын как таковой, а его имя – Василий. Вася, Вацек, Войтех, – вот так трансформировалась любовь Януша к покойному брату.

БОЖЕМСКИЕ

Бронислава, схоронив умершего от тифа любимого мужа Станислава, а за ним его родителей, влачила свой крест под мучительной опекой Степана. От жадности и глупости Стёпа совсем одурел, к оголтелой юдофобии и цыганоненавистничеству добавился национал-патриотизм. «Проклятая полячка, мало того, что не даёт, так ещё и может стать полной наследницей в его доме. Её ублюдки жрут за троих, кричат, шумят, обрывают зелёные фрукты в саду. Ляхи – бич украинского народа!» Увы, Степан совсем не был достоин памяти своего предка, кошевого атамана Серка. Кроткая невестка и её дети стали походить на тени, недолог казался их путь в подлунном мире. От отчаянья Бронислава вспомнила Пана Езоса, отцовскую веру и, гонимая ниспосланной свыше надеждой, пошла с детьми не в церковь, а в костёл. Там её надыбал, озабоченный проблемой женитьбы, пан Януш

Божемский. «Все браки рождаются на небесах». С известной долей скептицизма их случай подходит под сие крылатое изречение. Дальнейшие события развивались столь стремительно, что никто из доброжелателей не успел придумать причин для расстройства союза. К превеликой радости Степана, двери его хаты навсегда закрылись перед невыносимой горячкой Брониславой и её сопливыми вырожденками. Некому претендовать на его дом, землю, веру. Бронислава же Комарницка как нельзя лучше подходила Яну для осуществления дерзновенных замыслов продолжения рода. Католичка, полячка шляхетских кровей, (Войтех желал такую) имеет двух детей! Чем не претендент для детородной роли? А если, вдруг, чем чёрт не шутит, у Яна патроны отсыреют или окажутся холостыми, значит, планида маленького Васи сыграть роль убиенного Войтеха и стать единственным наследником всего добра, даже фамильного золота.

А любовь? Как же без любви? Почему без любви? Ян обладал достаточным умом, шармом, одни усы чего стоили, не говоря уже о разбуженной мужской страсти. Врачи утверждают: «Воздержание полезно». Можно представить объём полезности, накопившийся за три с небольшим десятилетия воздержания и, наконец-то, получившей право на реализацию сохранённого потенциала... Ранее закоренелому холостяку представлялось, что телесная близость слишком примитивное отражение божественного чувства. Наверное, он просто заблуждался или опасался прослыть несосто-

ательным в супружеских ночных утех. Теперь, бывало, и днём... Оказалось, что Ян, о-го-го как силён, да при хозяйстве, при деньгах... Топчан совсем расшатался, грозя развалиться на части, невыносимо скрипел. Заказали постель местному столяру, из своих, из поляков. Пан Томаш заломил невероятную цену, но пан Януш великодушным жестом прервал торг, затеянный практичной супругой, и потребовал изготовить ещё более дорогой экземпляр столярного искусства. Вот вам и отсутствие любви. Помпезность доставки мебельного шедевра в убогую хижину дала мощный повод к недельному обсуждению землячками психического состояния бывшего холостяка. Кобеты, недавно мечтавшие занять вакансию невесты Божемского, изливали потоки желчи в адрес строптивного Яна, тем самым очищали свои организмы от накопившихся шлаков и... хорошели. Их прелести замечали вдовцы, давно потерявшие интерес к прекрасному полу, и засылали сватов.

Жизнь – цепная реакция человеческих эмоций.

Бронислава застилала постель льняными простынями, купленными в лавке Захара Хануковича. Захар привозил их с Полесья от своего брата Боруха. Януш по вечерам незаметно совал под матрас свою кепку, по-старинному поверью – предмет значимый, приносящий потомство мужского рода. Для этой цели он сшил у Сёмы Швестера кашкет-воськликлинку. Прежнюю кепку с высокой тульей, кстати, изготовленную ещё дедом Семёна каких то двадцать лет назад, расточитель-

ный молодожён повесил на огородное чучело. Любовь меняет человека и его жилище. Как-то незаметно в обители появились подушки, одеяла, венские стулья. Бельё часто стиралось, из второй половины полуземлянки выселен как крупный рогатый скот, так и мелкий безрогий, невесть куда исчезли постельные насекомые, досаждавшие бобылю не одно десятилетие. От таких перемен вполне допустимо малость свихнуться. Возможно, местечковые кумушки были не так далеки от истины, когда изливали своё предвзятое мнение. Ян парил гордым соколом, свысока поглядывая на сверстников, давно утративших интерес к проблемам продолжения рода, ему бы побалакать с молодыми производителями, так не с кем, паны-товарищи рубят головы друг другу, им некогда. Пусть воюют, а мы тут тоже времени не теряем, делом занимаемся. Ян при каждом удобном случае любовно поглаживал свою гордость – вздутый выше носа живот беременной супруги. «Как там наш Войтех?»

В октябре по всем признакам ожидался мальчик.

Ох уж эти октябри! Чего только не приносят они на золотых крыльях осени. Пану Янушу двойное разочарование: первое от жены, второе от вина. Бабка повитуха, приглашённая и оплаченная заранее, вытурила будущего папашу за дверь. Пребывая в сенях и надеждах, Ян грезил маленьким Войтехом. «Ваську обижать не стану, но наследство только Войтеху, моему Войтеху...» Вместо Войтеха родилась девочка. С расстройства «новоиспечённый ойтец» увлёкся

недобродившим вином. Кто не познал вкуса и очарования молодого вина, тот не подозревает о возможных последствиях, куда как менее прелестных. Обгадился новоявленный папаша в прямом и в переносном смысле. Ночь, проведенная в незамысловатой крестьянской «обсерватории», астрономических открытий обществу не принесла, но мозг винодела посетили некие зачатки философских мыслей. Утром, выкушав, по совету жены, водки с солью и сушеных груш, пан Ян провёл следующую ночь в том же помещении из кукурузных стеблей, натужно рассматривая мохнатые звёзды и туман млечного пути. Средства народной медицины укрепили не только желудок молодого отца, но и маниакальное желание обрести наследника.

Однако наследник не спешил радовать папу и мир своим появлением на свет божий. В обойму родителя, то ли по ошибке, то ли по неведомому умыслу, вложили не те патроны. Рождались одни девочки: милые кудрявые, с пухленькими щёчками, розовыми ноготочками. Папа Ян, пытаясь сотворить собственного Пинокио, строгал как папа Карло... Тщетно! На небесах, оказывается, есть свои соображения, свои планы и мотивации, неподвластные законам подложенных под матрац кепок... Бог не Микишка, у Него своя книжка.

Практичная жена подвигала супруга на очередные подвиги. Семейный замок, замышленный на фундаменте землянки, не соответствовал насущной необходимости семьи. Ря-

дом выстроили приличную для справногo хозяина хатку с двумя половинами, жилой и парадной. В землянку вернулся скот, а счастливая хозяйка после новоселья вынашивала под сердцем очередной плод своей любви и мужниной надежды.

Мудрая Бронислава, предугадав полную победу красных, вовремя заставила мужа вытащить из курятника шпиль со звездой и установить под орехом, на могилу героя-красноармейца Войтеха. После замысловатых кульбитов товарища Криворучко от советской власти в сторону Селезнёвской республики определенный риск, конечно, был. Но и тот факт, что Советы крепили изо дня в день, тоже не отринешь. Осторожный пан Януш вытащил шпиль, установил... подумал и прикрыл снопами обмолоченного жита. «До полной победы краснопузых, погодим открывать».

Вскоре грозы Гражданской войны отнесло в дальние дали. После окончательного установления власти рабочих и крестьян в местечке возник некий дефицит пролетарских святых. Захоронений много, а святых, беспорочных нет. Энтузиасты новой идеологии ринулись в поиски. Краснозвёздная могила, надыбанная комсомольцами, пришлась советским властям как нельзя кстати. Уездные партийные функционеры, произнося у шпиля под орехом пламенные речи, яростно грозили мировой гидре контрреволюции кулаком... почему-то всегда в сторону Бессарабии. Надо полагать, пресловутая гидра славно пригрелась на солнечных молдаванских пригорках. Одначе странно, хлопцы, ходившие на ту

сторону за контрабандным табаком, никаких гидров не видели... Правда, в Сороках случались выступления Лещенки, Вертинского, Баяновых, в своё время сбежавших от войны и смуты. Так какая же они гидра?

Вскоре грозный ГПУшный кулак повернулся от недостижимой бессарабской гидры в сторону своей внутренней, залёгшей в зажиточных хозяйствах мироедов-куркулей. Распроклятая змеюка, обладая частной собственностью, беспощадно «исплуатировала» бедняков, не желавших за копейки трудиться на чужих землях.

«Верно говорят, это-таки несправедливо!» – возмутились большевики и придумали: «землю придётся... отнять и разделить». Сказано – сделано. Отняли у богатых, разделили между всеми.

Бедняки, не отвыкшие работать на чужих землях, не жаждали обрабатывать и свои делянки, поскольку нечем, и им за это вообще не платили.

«Резонно...» Большевики малость призадумались и сообразили... «а что если... отнять и разделить». Отняли тягло и инвентарь у справных и разделили между всеми поровну.

Мироеды продолжали трудиться на своих делянках, а бедняки, по привычке, на чужих, совсем за бесценок и ещё больше жаловались властям. Совсем де, мы угнетённые.

Власти подумали, подумали... и решили, что с принципом разделения они перегнули палку и принялись объединять в коллективные хозяйства, тогда уж заработают...

Трудиться перестали все.

«Странно»,— удивились большевики и ловко придумали... «всё-таки лучше отнимать и разделять, тогда хоть кто-то работает». Отняли свободу у одних, разделив их колючей проволокой с другими...

Заработало!

В учебниках истории это называлось раскулачиванием и коллективизацией, а руководил всем этим товарищ Яковлев, тот который был Яша Эпштейн, племянник тёти Зины Мехлис, она, таки, до сих пор живёт в конце Комсомольской улицы.

Обелиск со звездой свято охранял хозяйство Божемских от посягательства сторонников метода «отнять и разделить».

Очередная дочурка, родившись через год после первой, подтвердила филигранное мастерство и точность родителя как специалиста по девочкам. Наместник не явился и в этот раз. Прагматичный аграрий, продолжал пахоту и внесение семян в благодатную почву супружества с завидной интенсивностью. Врачи, утверждающие, что воздержание полезно, предполагают и другое – «излишества вредны». Словом, Ян заболел. «Все болезни от нервов, – говаривал местечковый врач Арон Исаакович, – только сифилис от удовольствия». Нет, нет, любимая присказка эскулапа не имеет к болезни Яна никакого отношения. Но факты вещь упрямая, и попробуй пойми, в чём залог здоровья: в воздержании или в исполнении желаний?

Кстати, о желаниях. Один из предметов, хранившийся Янушем в тайне от всех, вызывал неутолимое желание, даже жажду воспользоваться им. Вещи, создаваемые людьми, всегда служат определённым потребностям. Предназначение револьвера, системы Наган, можно истолковывать однозначно, а полный барабан предоставляет возможность использования предмета по назначению не менее шести раз. Однажды вечером, в те дни болезнь Яна для окружающих ещё была не видна, а его внутренний голос уже произнёс приговор, произошёл разговор двух родственников о взаимном уважении и помощи. Сговорившись о своём заветном, свояки на следующий день, но разными путями, отправились в сторону Козацкой одаи...

Каждый имел свои собственные задумки, не совпадающие с намерениями партнера. Отсчитали положенные тридцать три шага, сноровисто принялись рыть. Смеркалось. Копали молча, до изнеможения, наконец, лязгнул камень. Марчук алчно ухватился за край плиты, поднатужился... Выстрела он не услышал, пуля вошла в затылок раньше, чем звук в уши. Незадачливый шурин распластался поверх, так и не ставшего ему одному принадлежать, (как он полагал) сокровища. Ян тщательно привёл место захоронения в состояние могилы Чингисхана. Дело сделано...

«Зачем расспрашивать подлюгу самого, мол, ты убил? Кто ж признается? Нет, «око, за око, зуб за зуб», спасибо невестке за дорогой подарок – наган, да еще с полным барабаном.

О, эта Фаня знала, что дарить! Вовремя я подсуетился, пока Марчука не сослали на солонки за связь с петлюровцами. А он мнил, что я на него в ГПУ наступчу... не дождался!»

Чем же был вызван столь дикий и мерзкий акт?.. Конечно же жаждой торжества справедливости. Подлое душегубство совершено не более гнусно, нежели лишение жизни Войтеха, такой же тёмной ночью, также в спину. Ян видел вещий сон: приснился Войтех и его убивец. Всё было как въявь... Войтех лишил жизни этот, с виду кроткий и добрый родственник, расплывавшийся при встречах в сладенькой улыбке. Кто бы мог подумать? Желание пылать жаждой отмщения и вендетты не помещается в рамки правил христианина, но не бывает правил без исключений. Ян посчитал предательством и святотатством выискивать улики против убийцы, настолько был уверен в правдивости сна о гибели брата.

Огонь душегубства, порой угасая, вдруг, вспыхивает и полыхает в сердцах людей с несокрушимой силой. Такова низменная сущность, переданная нам, потомкам праотца Каина. Не суть важно кто повинен, а кто невиновен, кто убил вначале, кто в ответ, все мы «хороши».

Дочка Вера умерла, простыла и умерла. Бронислава почернела от горя. Ян тоже пожалел своё творение, но с маниакальной настойчивостью, ждал наследника. Чтоб задобрить небеса, через мельника передал сестре два мешка муки: «Нехай жрут, раз Марчук сгинул неизвестно где. Я ей своеволия не прощаю, но в нужде помогу. И пускай на наследство

не рассчитывает, оно ей отдано сполна, с приданным». Мельник муку передал, но в ответ ни полслова благодарности. Сестрины дети, завидев Яна, издали показывали голые зады и с обидным хохотом разбегались, ловко увёртываясь от дядюшкиных камней, запущенных им вдогонку. «Родственнички, пся крев!.. Господи! Ну, почему ты ей дал семерых мальцов, а мне только девок?» С сестрой Эльжбетой, после её замужества, Ян не разговаривал ни разу, при встрече отворачивался или делал вид, что сильно занят. А в детстве они здорово ладили, он её защищал от соседских мальчишек, от того же Марчука, который звал Эльжбету Лиза-подлиза.

В июле опять родилась девочка. Ян впал в уныние и...

Нестерпимо болела нога...

Впервые она так заболела в день, когда выкопали останки Войтеха... Кости положили в гроб, обшитый кумачом, и увезли в центр местечка.

«Герои должны лежать на виду, а не где-то там, под орехами, в усадьбе... куркуля».

Перенос мощей – знаковое предзнаменование. На помпезный митинг, устроенный при перезахоронении, красноармейца Войтеха, товарища Януша не пригласили, как и особого разрешения, на все эти перетаскивания не спрашивали. Дело пахло Соловками. Уж куда как менее справных хозяев давно раскулачили, а Ян Божемский, прикрываясь геройской могилой брата-революционера, благоденствовал.

Ян, вспахал под яровые, перекрестился над местом с кув-

пином, посидел в тоске под заветным, от прадеда Болеслава, дубом и, вернувшись домой, слёг. Слёг навсегда.

Саркома...

Януша ничто не радовало и не интересовало в этом непри-
ветливом мире. Католик пожелал исповедаться. Послали за
ксендзом. Пришёл глупый служка, осуществлявший долг
святого отца по самоуправству. Старый ксендз, венчавший
Яна и Брониславу, уж с полгода как отправлял иную служ-
бу на кедровых делянках Сибири... в связке с православным
священником и главой секты пятидесятников. Служителей
культы сгруппировал в одну бригаду начальник лагеря, ис-
полнявший должностные обязанности весело, с чекистским
задором, с партийным огоньком и тюремным юмором. Дан-
тисты у него работали на раскорчёвке пней, священнослужи-
тели заставляли кедры бить поклоны советской власти, кавалеристы рубили сучья... Весёлый был товарищ... пока само-
го не арестовали, как врага народа, по сигналу заместителя...
и заместителя потом... по сигналу... Яна участь заключён-
ного миновала. Представители бедноты, в том числе родной
племянник, старший сын Эльжбеты Иосифовны, и сотрудни-
ки карающих органов, пришедшие раскулачивать курку-
ля-мироеда, наткнулись на свежевостроганный гроб, скорб-
ную вдову и сирот – мал, мала, меньше. Не по зубам оказал-
ся для советской власти Ян Иосифович...

Он умер в полной уверенности, что результат всей его
жизни и жизни трёх поколений предков надёжно сохранит

земля, купленная прадедом Болеславом... Как бы не так, купчая была осмеяна и раскурена. Брониславу с большой неохотой, только по причине родственной связи с павшим героем, приняли в коллективное хозяйство. Да, только по причине родства с Василием Бажемским... Да, Бажемским, ибо «Боже...» это нечто старорежимное, не подходящее герою-коммунисту. Впрочем, достоверных сведений о его принадлежности к партии, так и не нашли.

Трансформация фамилии продолжалась вместе с традицией перезахоронения героя. К семидесятым годам двадцатого столетия на бетонном обелиске, шестом по счёту, гордо реял краснозвёздный флаг с выбитыми на нём золотыми словами «Герой-комсомолец Василий Иванович Бажко». Комсомольцы-краеведы выяснили, таки, девичью фамилию матери Яна и Войтеха – Бажковская. Хотели её написать честно, но не хватило места в строке, а переносить как-то не очень... Чуть ниже шли вирши местного поэта, чтение которых предназначено не для слабонервных... Рисковать не стоит, вернёмся к реалиям.

На последней исповеди Ян, доверившись службе, приоткрыл завесу сокрытия золотого запаса. Служитель культа, используя тайну исповеди в корыстных целях, сначала вечерами, а потом днями все ходил и ходил к заветному дубу, пока не остался на ночь. Переночевал... и больше не покидал сокровенное место. Рыл, шагал, шагал и рыл, рыл... Наивный, истинные координаты и срок залегания – промысел бо-

жий. Бока магометанского кувшина должны налиться благородной патиной, а золотой резерв вылежаться. Недостойного служку, с безумным огнём в глазах и лопатой в руках, обнаружили землестроители. Им он представлялся ксендзом, утверждая, что ищет Святой Грааль. Какой Грааль и дары Господни? В стране полным ходом идёт строительство социализма, а самое священное на данный момент – партия коммунистов-большевиков-ленинцев. С иронической подачи землестроителей Казацкую одаю записали Ксендзовой. Ирония и сарказм забылись, но название, как ни странно, прижилось. Впоследствии, глядя на отметины, оставшиеся от предтечи знаменитого Стаханова, юные пионеры предположили, что под дубом проходила линия фронта, а неровные ямы – окопы, вырытые ротой солдат.

Летом фамильный дуб сразила молния. Дерево сгорело. Земля Болеслава, уже как часть владений колхоза имени Климента Ефремовича Ворошилова, заколосилась тучными хлебами. Новая жизнь пришла – наступил социализм.

(«Пся крев, холера ясна!»)

У христиан считается, что впадать в уныние, тосковать – значит совершать грех, смертный грех... Странно, человек тоскует сам по себе, не причиняя другим вреда, в чём же здесь грех?... И тем не менее, если порассудить, ясно, что люди, пребывающие в унынии, быстро заболевают и умирают, в то же время преступники, маньяки, убийцы, чем

*больше пакостят на земле, тем лучше себя чувствуют...
Парадокс!...*

Надо подумать, какие слова могут быть непонятны читателю... Если читатели, как таковые, найдутся...

Кажется, я впадаю в уныние, а лучшее средство от тоски...

Кажется, я впадаю в запой, а лучший способ от запоя...

Кажется, я впадаю в детство, а детство – лучший советчик в написании книг...

А не вкусить ли мне винца?...

К перу, к бумаге!... Следующая глава...)

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

(Классное заглавие... Я опять был в... в заезде?... Давал же слово, не более четырёхсот грамм за вечер... Ну да, за вечер... за вечер я и трёхсот не выпил, а куда денешь три дня, или четыре... Какое сегодня число? Как бы узнать? Позвоню... Тринадцатое!... Пожалуй, я увлѣкся... но ничего, очистился... за две недели. Всѣ эти... аграрии, поляцкие!... За... надоели! Спровоцировали своим образом жизни, убогостью, рачительностью западного мышления, скаредностью, праведностью. Этот запад, Европа протухшая... и полячки туда же... со славянским менталитетом... По большому счёту, мы, славяне – коренные жители Европы. Мы, славяне, истинные европейцы, согнанные с своих земель пришель-

цами из Африки, Азии... Да отовсюду! Пришли... и до сих пор прутся... Албанцы в Сербию, кавказцы в Россию... Вытесняют нас... спаивают некачественной водкой... революции устраивают, культы личности, социализмы... Испохабили генофонд... Геноцид коренной нации!... Лучших сынов народа – дворян, разогнали по заграницам, хозяйственных крестьян – кулаков, репрессировали...

Пора разъяснить значение некоторых слов в этой главе... Ну да, главы, как таковой, ещё нет, а я уже с комментариями спешу. Хорошо устроился, придумал заглавие... «Перед грозой» – потрясающая пошлость... не только излагать, так даже думать стыдно!

Синяк, алкаш, алканавт, пьянь!... Не стоит впадать в тину частной жизни всяких мироедов, есть другие люди .)

НИКОЛАЙ

Сын состоятельных родителей, салонный шаркун, вечный студент, поэт, бабник, выпивоха, заика, умница – далеко не полная характеристика на Николая Александровича Коншина... Что ещё? Ах да, ко всем перечисленным качествам, необходимо добавить дремучую аполитичность и пристрастие к исполнению романсов.

Родители Николая и единственная сестра утонули в Волге, когда парню исполнилось двадцать лет. Лодку, во время праздничных катаний по реке, протаранил пароход...

Оставшись один, молодой, совестливый человек опечалился, поклялся вечно хранить память о безвременно покинувших его родных, но время взяло своё. Душевная боль утихла, близких не вернёшь, заниматься отцовским делом в молодые-то годы скучно, даже где-то неудобно. Часто посещать занятия в университете – банальность, достойная посредственности. Другое дело написать статью в журнал «Геология России»... Даже три статьи, вызвавшие бурную реакцию профессоров-ретроградов. Пусть возмущаются, негодуют... Россия бурлит, богемная молодёжь манерничает, футуристы шокируют, декаденты отрицают, все пророчат... Вот это пик жизни, вот это перемены! Открываются новые салоны, дорогие рестораны, шампанское пенится, кружит головы... Серёга Есенин – гений и дерётся нормально... Коншин пишет не хуже Серёги, тоже гений. Вова Маяковский равнодушен к драке, но девки его любят, чем он их берёт? Не морковкой же... Салон мадам Полины полное дерьмо, салон Кульчицкой самый дорогой, а толку?.. Скучно, надоело!... Эх, чем бы заняться, стоящим?..

Большую половину унаследованных денег Коляша спустил на ветер самостоятельно, остальное – заслуга революции и победившего пролетариата. Гегемон, обвешав грудь красными бантами, распевая песни, долго колобродил по мостовым, мочился в подворотнях. Вскоре песни орать прекратили, но справлять малую нужду продолжили, преимущественно в парадных подъездах. Не то чтобы сильно прихва-

тило, нет, лили на мраморные лестницы из принципа. «Не одним нам в дерьме жить, попробуйте и вы баре-буржуины». Дворники вкривь и вкось забили парадные подъезды горбылём. Что с них взять, они не настоящие пролетарии, не передовой класс, так, прихвостни. Все сословия потащились через чёрный ход, да так и привыкли. Революция победила!

Но контра ещё не сдалась. И погнали комиссары пролетариев свою власть защищать, дескать родную, советскую... Иначе, мол, вернутся хозяева фабрик, заводов, дворцов, пароходов да спросят таких сяких смутьянов: «По какому праву воровали, растаскивали хозяйское добро?» Всех найдут, призовут к ответу, и в кутузку... Что поделаешь, надо так надо... в армии кормят поди... и поживиться можно остатками буржуйского добра. Рабоче-крестьянская молодежь, туды её мать, «покинула хаты, пошла воевать...»

К Коншину это не относится, он «за революцию», но врождённый пацифист...

– Паци... чево?

– Умиротворяющий. Я против войн и насилия...

– В ресторане кто дрался с?...

– Мы дискутировали.

– Додискутировался, скубент. Скажи спасибо, что с офицерём дрался, а не с нашими. Так офицериков к стенке, этого и барышню в лагерь на перековку.

Скорый пролетарский суд закончен, уставший чекист потянулся, зевнул и продолжил наслаждение морковным чаем.

Во дворе раздались беспорядочные выстрелы. Цербер революции бил когтистой лапой по черепушке заумной части общества. Надоели её полемики, поэзии, романсы, салоны и прочее мещанство. Некогда с вами тары-бары разводить. Не желаете добровольно работать на пролетарское государство, не надо... работайте по принуждению: лопату в руки и: «Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит...»

Лопата, кирка, лом, тачка – инструменты перековки недругов советской власти в... её непримиримых врагов... если выживут.

К исходу третьего года заключения Коншин отошал, покрылся коростой, смирился с мыслью, что человек смертен. Жизнь уже не представлялась некоей особой ценностью, за которую необходимо во что бы то ни стало цепляться. Спокойно и обыденно зэк влился в тихую стайку дохода: грелся у титана, подлизывал тарелки, кастрюли, сосредоточенно рылся в помойке, обсасывая рыбы головы, вернее кости от рыбных голов. Доходяг, из гуманных соображений, на общие работы не гоняли... не хватало, чтоб по пути подошли. С мертвяком по пути канители не оберёшься, отвлекая конвой или ищи труп на обратном пути, а его, может, снегом занесло, может, волки или собаки утащили... Начальство решит, что сбежал, что не досмотрели, пиши рапорт. А когда конвоирам рапорта писать, коль и так людей не хватает? То-то и оно, людей, не зэков, конечно, беречь надо. А доходяги пускай уж в жилой зоне, под присмотром околевают, тут и врач есть: если

что, засвидетельствует смерть, бумагу оформит, грамотный, поди, до лагеря главврачом служил. Другие зэчата сволокут в сарайку... Николай понимал, уже скоро, максимум через неделю, и его оттащат... Жизнь хороша, в любом состоянии, но умирать легче, когда организм истощён и не сопротивляется. Прижавшись спиной к тёплому чану, разговариваешь с человеком обо всём, прежде всего о хорошем. Незаметно засыпаешь, а он всё говорит... Приятно засыпать под чей-то рассказ о путешествии по горам, о неземной красоте балета, о... Просыпаешься, рассказчик уже мёртв, лицо застыло с блаженной улыбкой на устах, тело не распрямляется. И не надо его распрямлять, там, в сарайке, почти все такие... сидячие. И в общую яму некоторые так падают, что как бы сидят, другие лежат, поджав колени. Археолог, профессор Самсонов утверждал, что на востоке в сидячем положении хоронили только вождей и правителей. Тело его упало в яму на бочок, видимо их род не был знатным. Не важно, как и где похоронят, важно другое – отойти в благодати...

С очередным этапом в ОЛП (Отдельный лагерный пункт) пригнали Строителя – однокурсника Николая по университету. Алексей только год мытарил, силы и большевистский задор ещё не иссякли. Совершенно случайно он узнал в полустертой человеческой тени бывшего фаворита золотой студенческой молодёжи – господина Коншина. В стенах Alma mater они не очень-то поддерживали отношения, даже недолюбливали друг друга. Николай – пофигист и умница,

Лёшка – глуповатый романтик-революционер, бескорыстный ратоборец за освобождение трудового народа. Организовывал всяческие сходки, студенческие митинги... Освободил, за что и посадили. Пролетариат-то один, а борцов за его освобождение много, всем места на арене битвы не хватает, вот и попросили Строителя подождать до лучших времён, лет этак... десять... с гаком вольного поселения до особого указа, а там видно будет. Но не тот человек большевик Алексей Строителей, чтоб безропотно сдаться судьбе, даже по приговору ослеплённой бюрократами пролетарской Фемиды. Приносить пользу обществу можно и в заключении, не зря же учился в университете. Первым делом Алексей принялся за доходягу Коншина. Нечего помирать, надо делом заниматься, уголь искать, руду, бокситы. И хотя Алексей в геологии, как и в других прикладных науках, смыслил немного, но в людях толк знал. Он помнил бурную реакцию профессуры на статьи Коншина о прогрессивных методах поиска полезных ископаемых. Как тогда всполошились ретрограды, о, бумажные души! Раз буржуазная профессура так ощетинилась, значит Коляша прав.

Под воздействием дружеской заботы и улучшенного питания, доходяга начал подавать признаки прежнего интереса к биологической активности собственного тела. Тем временем, Алексей вёл работу с лагерным начальством за возвращение к жизни ещё пяти дистрофиков, но, то ли из-за слабого здоровья, то ль по другим причинам, трое из пя-

ти отправлены в сарайку, и, после достижения ровного счёта в сотню трупов, партия тел была предана мёрзлой земле. Сарайка приготовилась к приёму очередной сотни. Коншин, к счастью, в рядах претендентов на свободные вакансии общей могилы уже не состоял. Его зачислили в состав бригады геологов под научным руководством заключённого Алексея Строителява. Первопроходцы-искатели готовились к дальнейшей экспедиции, за Полярный круг.

В начале мая, три тяжёлые весельные лодки отвалили от крутого берега и пошли вниз по течению реки – на север. Эки взялись за вёсла и, не веря своим глазам, взирали на медленно удаляющуюся колючую проволоку, вышки, бараки. Темп гребли нарастал, нарастал, нарастал... пока жуткие очертания не скрылись за весенней дымкой... Бросив весло, Николай закричал, что было мочи: «Ура-а-а!» Остальные заключённые, со слезами на глазах, подхватили. Вопили недолго, ликование прервал выстрел из последней лодки. Стрелял боец Деревягин, нёсший полную ответственность перед партией, страной и органами за неусыпную охрану заключённых – врагов советской власти. Второй стрелок Тюрин, находился в первой лодке и по молодости, по неопытности кричал вместе с заключёнными, за что вечером получил замечание от старшего, закалённого в классовых боях товарища Деревягина.

– Ты, это, Тюрин, чё с имя-то блажил? Не забывай, кто оне и кто мы...

– Дак известно, люди.

– Люди, говоришь,.. люди то люди, токмо разные. Оне нам враз бошку свернут, коли случай представится... Буржуазия, офицерье, им простой народ, что скотина тягловая. Собаки они шелудивые, зря их выпустили. Моё дело телячье, но я бы их, на зоне гноил...

– Умные они, учёные.

– А мы, значит, дураки?... Я, вона, читать могу и считать,... до тысячи.

– До тысячи!

– А то!... Не глупее твоих учёных. Вот такие, как энти, народ дураками представляли. Теперь посмотрим, какие мы дураки.

– Они чё искать-то собрались?

– Пёс их поймёт, золото вроде. Врут, поди. Но ты, на всякий случай, смотри в оба, чтоб не утаили, коли найдут.

– Я, Фёдор, золота в глаза не видел.

– Да блестит оно, как алтарь в церквах, а тута песком лежит...

– Песком!

– Собирай, знамо, в мешки и отправляй...

– Как же мы отправим, в лодках-то места мало?

– Как, как... Пароход вызовём... с баржой.

– С баржой!

– Главно, не упустить момент... Как найдём золотишко-то, зеков по рукам и ногам свяжем. Случай чего, в рас-

ход... Вот так Тюрин, это тебе не шти лаптём хлябать, меня слушай, не пропадём. Они учёные, но и мы, поди, не пальцем деланы, смикитим, что да как.

Поиск минералов в полевых условиях вести несложно. Собирай образцы, лучше в местах выхода пластов на поверхность, классифицируй собранное, записывай в журнал, отмечай на карте... Более подробно сие занятие описали древние мудрецы, ещё подробней отражено в тысячах трудов современных геологов и уж совсем досконально будет обрисовано в будущем, но точного ответа, точной рекомендации, как найти полезное ископаемое в том или ином конкретном случае, никто не даст...

Пользуясь положением старшего, Деревягин решил, что ему следует руководить и поисковыми работами. Однако, к великому огорчению Деревягина, золотопесчаной пустыни за ближайшим поворотом реки не встретили... Покрикивая, поругивая нерадивых, начальник присматривался к каждой песчаной косе, усмотрев нечто, командовал причалить. Ушлые зэки, просекли чаянья новоиспечённого изыскателя и включились в игру. Показывая очередную песчаную отмель, с издевательскими ухмылками пробовали лопаты на ноготок, перетряхивали пустые мешки. Деревягин задумался, задумался и затаился. Не ровён час, не найдут они золотой песок, кто отвечать будет?... «Не-е-е, я не дурак, я не Тюря безграмотная!... Пускай пыль лагерная, золото ищет, наше дело государственное, – охрана. А уж коли найдут, не про-

пушу и по возвращению доложу, как следоват».

Спустя неделю уткнулись в ледяной затор, переночевали и решили идти в большой приток, против течения, на северо-восток. Гребли по очереди, придерживаясь берегов с заводами, там легче, иногда только подправляй, и лодка сама идёт вверх по реке. Лес стал редеть, деревья всё мельче, чахлые берёзки сменялись низенькими ёлками. Встретили небольшое, голов на тридцать, стадо диких оленей. Деревягин три раза выстрелил. Лишившись двух сородичей, животные резво убежали. Люди, отощавшие на госхарчах, огорчились, что мало добыли, но оказалось – много, грузить-то некуда. Освеживали, наелись от пуза, уснули у костра. Ночью, впрочем, ночи как таковой уже не наблюдалось, в сопровождении своры собак приехал на оленьих нартах абориген в малице. Долго лопотал о чём-то о своём, показывая на лежащие вокруг стоянки кости. Члены экспедиции недоумённо смотрели на человека в дивном одеянии. Распалась от собственных слов, оленевод достал из-под шкур, лежащих на нартах американский винчестер и тряс им в воздухе. Собаки заливались злобным лаем. «Кажется, олени были не совсем дикие? Тогда почему они бродят по тундре без присмотра?...» Деревягин, как лицо обличённое властными полномочиями, вступил в переговоры: «Ты, Самоед вонючий, чего орёшь? Мы тут по заданию правительства, понял! У нас документы... А оленей, это, реквизировали, ясно, тунгус криворожий!...» Абориген, действительно кривой на ле-

вый глаз, отошёл к оленьей упряжке, присел перед мордами оленей, помочился. Олени стали жадно слизывать лужицу, а их хозяин закричал ещё громче, не желая ни слушать, ни глядеть в официальные советские документы. Из всех слов выделялось одно – «козяин». Деревягин, сунул правую руку в карман шинели и, как бы нехотя, толкнул частного собственника в грудь. Тот упал, но резво вскочил и направил на представителя государства оружие. Чекист выстрелил через шинель. Револьверная пуля вошла ненцу в грудь, опрокинула навзничь. Он уже не кричал, только хрипел и сучил ногами. Собаки, жалобно скуля, облизывали хозяину лицо. «Козяин, бя! Мы вас научим советскую власть любить... и ссать стоя!...»

В Большеземельскую тундру пришла новая власть.

Оленевод не умер. Пуля, потеряв разрушительную силу в волокнах шинели и в коже малицы, застряла в мягких тканях груди. Свинец выковыряли ножом, рану прижгли порохом, грудь перевязали. Винчестер и патроны к нему Деревягин предусмотрительно экспроприировал. Посадил ненца в нарты, отправил к своим, пусть расскажет сородичам, что советская власть сильна и угроз не потерпит. Молва по тундре впереди людей бежит, никто больше не намекал о незаконном отстреле оленей. Впрочем, кого прельстишь жёсткой олениной, когда вокруг полно лебедей, гусей, уток, рыбы. Ешь, не хочу... Все питались вместе, последним к общей трапезе подсел Деревягин, предпочитавший вначале похо-

да питаться отдельно от заключённых. Увы, в тундре не до лагерных церемоний, баланды нет, колючей проволоки не натянешь, вышки не поставишь, отдельно пищу не пригостишь. В иные дни все так намаются, что до стоянки еле доползают, и заключённые, и конвоиры. Алексей, умудрявшийся ладить даже с Деревягиным, сумел убедить бдительного стража, что убежать отсюда невозможно, следовательно, и сторожить их нет необходимости, лучше охранять провиант, снаряжение и образцы. «Ну, провиант и лодки я понимаю, а твои камушки кому нужны? Ты Тюре безграмотному, яйца-то про образцы морочь, не мне. Вот когда золотишко найдём... тогда конечно. Я бы тебя, Строитель, за милую душу расконвоировал, ты-то наш, из большевиков... Ну, проштрафившийся, но я тебе верю... А остальные? Да энтот Коншин, гнида не додавленная, контра мировая!... Смотри мне, убегут, тебя первого к стенке... Найду, не лыбся, всем стенку найдём, и в тайге, и в тундре... Ладно, снимаю конвой».

Жить стало лучше, жить стало веселее.

Бледное, немощное солнце, коснувшись горизонта, призадумалось и, набирая жар, опять ползло в небо. Полярный день медленно и упрямо овладевал пространством. Река, втянувшись в привычные берега, украсила их нежной зеленью травы и бархатной патиной кустарника, очистив мутные воды, разыгралась хищными всплесками щук, хариуса, сёмги. Обезумевшие куропатки, меняя белые одежды на пёст-

рые, запели брачные песни. Перелётные птицы, готовые к кладке яиц, обустроивали летние гнёздовья. На бескрайние просторы, неведь откуда, хлынули мириады комаров, отвратительно жужжа, застилали взор, нороя ужалить любой мало-мальски открытый участок кожи.

Геологи втянулись в работу. Обследуя обнажённые пласты, уходили от стоянки на десятки километров и, не имея сил, к великому неудовольствию Деревягина, ночевали там же, под открытым небом. Постепенно сложилась профессиональная ориентация членов экспедиции. Главным, в кавычках конечно, был Фёдор Деревягин. Своё кредо Федька, а лучше Фёдор Григорьевич, определил как постоянное ворчание, угрозы и препирательство со Строителевым. Алексей, здравым умом понимая, что геология не его конёк, не страдал жадной признания себя как научного руководителя. Он знал, Коншин сделает всё как нельзя лучше, если ему не мешать, не указывать и оградить от Деревягина. По сему просто ловил рыбу, отстреливал из винчестера дичь, собирал корешки, готовил пищу и убеждал бдительного начальника в необходимости исследования участков, лежащих далеко за линией горизонта, иначе не найдут они золотые россыпи. Чекист упрямо сопротивлялся, однако под натиском Лёшкиной революционной демагогии сдавал позиции, но с условием: «Пускай идут... в сопровождении Тюрина». В этом была определённая хитрость Алексея и его группы. Стрелок Тюрин, неотступно шагая подле Коншина, вскоре

позабыл о своих прямых обязанностях и пристрастился к поиску минералов. В неграмотном деревенском парне пробуждалась жажда познания, формировался талант землепроходца. Отколов кусок интересующего материала, привычно слизывал скол языком, определяя наличие вкраплений тех или иных минералов. Если возникали вопросы, без всякого стеснения бежал к Коншину. Николай терпеливо объяснял... Иногда, бросив свой участок, переходил к Тюрину, и они исступленно искали приглянувшуюся породу, пытаясь выяснить случайность это или закономерность. Совершенно понятно, что главным геологоразведчиком во всей экспедиции был, несомненно, Коншин. Его слова были истиной в последней инстанции, так по крайней мере предполагали все заключённые-геологи и, конечно же, Тюрин, незаметно влившийся в стан профессионалов поисковиков. Земля, которую они исследовали, густо напичкана полезными ископаемыми. Тут было всё: уголь, молибден, сера, соль, свинец, платина, медь, бокситы серебро и, конечно же, золотой песок. Коншин, впервые за многие годы с удовлетворением подумал о революции как о благе, изменившем образ жизни миллионов людей и его в том числе. Не случись революции, ареста, заключения, вряд ли он, богатый, благополучный гуляка и транжира отцовских богатств отправился бы в подобную экспедицию, о которой мечтал с отрочества. Возможно, и отправился бы, возможно, но маловероятно. Уж больно весело жил, много гулял, встречался с известными

и просто с интересными людьми, уж никак не со Строителевым. На Алексея всегда смотрел как на чудака, пытавшегося привлечь к себе внимание революционными идеями. «Кому... кому нужна его революция? Народу? Что такое народ? Вечно пьяный рабочий люд или елейные приказчики? Может, услужливо-хамовитые официанты – вчерашняя деревенщина или те же неграмотные, хитрые, завистливые крестьяне?... Я, разве я, не народ?... Конечно, не все пьяницы, лодыри, хитрованы... Взять, к примеру, Сергея Тюрина. Если бы ему образование, он бы меня за пояс заткнул. Тот же Деревягин, даром что партиец, а в Империалистическую Георгия из рук самого царя получил. Георгиевскими крестами самодержец просто так не разбрасывался... Вернулся солдат в родное село, а мать и отец с голоду помирают. Богачи-соседи, посмеиваясь в мохнатые бороды, Георгиевского кавалера в батраки зовут, за хлеб, за одёжку... Всю весну и лето горбатился в чужом хозяйстве, а к осени на тех же бобах остался. Ни денег, ни одёжки, ни хлеба... Ну, пустил Фёдор красного петуха в кулацкий дом... Понятна обида, но... Мерзавец, не лучше тех, которых поджёг!... Я своё не защищал, не воевал ни с красными, ни с белыми,... за что посадили, за разграбленный ими же отцовский дом?...» Николай ловил себя на мысли, что вначале экспедиции он не задумывался над подобными проблемами и понял: лето кончается, скоро обратно за колючую проволоку. Мозг искал выход из тяжёлой ситуации. «Может, чёрт с ним, пойти на компромисс,

смириться с властью?... Мы такие богатые месторождения открыли, должны учесть... Может вправду свобода, равенство и братство их конечная цель?...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.